

Краснодарский университет МВД России

И. В. Яблонский
А. А. Швец

**ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ
СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
НА КУБАНИ**

Краснодар
2019

УДК 94(47):351.74:340.1
ББК 63.3(2):67.3(2)
Я14

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

В. Н. Ратушняк, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Кубанский государственный университет);

Н. С. Нижник, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербургский университет МВД России);

Г. Г. Небратенко, доктор юридических наук, доцент (Ростовский юридический институт МВД России).

Яблонский И. В.

Я14 Особенности создания и становления системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел на Кубани / И. В. Яблонский, А. А. Швец. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019. – 86 с.

ISBN 978-5-9266-1511-8

В монографии рассматриваются исторические и историко-правовые аспекты организации и особенности деятельности образовательных учреждений, осуществлявших профессиональную подготовку сотрудников органов внутренних дел на Кубани в 20–30-е гг. XX в.

Для специалистов в области истории органов внутренних дел России, профессорско-преподавательского состава, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, а также для всех интересующихся проблемами истории отечественных правоохранительных органов.

УДК 94(47):351.74:340.1
ББК 63.3(2):67.3(2)

ISBN 978-5-9266-1511-8

© Краснодарский университет
МВД России, 2019
© Яблонский И. В., Швец А. А., 2019

Введение

В настоящем издании представлено комплексное исследование исторических и историко-правовых аспектов организации и особенностей последующего функционирования образовательных учреждений, осуществлявших профессиональную подготовку сотрудников органов внутренних дел в г. Краснодаре в 20–30-е гг. прошлого века. Данные события являются неотъемлемой частью периода создания и становления на Кубани советской милиции и региональных управлений НКВД РСФСР, а затем и НКВД СССР.

Актуальность проведенной исследовательской работы обусловлена тем, что проблемные вопросы исторического становления и развития отечественной системы ведомственного профессионального образования и профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в целом и органов внутренних дел в частности на протяжении нескольких десятилетий продолжают оставаться объектом пристального внимания ученых-историков и юристов.

Основательные труды, посвященные вопросам подготовки кадров для органов внутренних дел, характеризующие данное направление в общегосударственном масштабе и охватывающие широкие временные рамки, в разные годы были подготовлены в стенах ведомственных учебных заведений системы МВД СССР (Российской Федерации) известными учеными, признанными специалистами в данной области, среди которых необходимо выделить следующих:

Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров в органах внутренних дел (1978);

Зыбин С.Ф. Кадровое обеспечение деятельности органов внутренних дел: историко-правовой и теоретико-правовой анализ (1997);

Лойт Х.Х. Государственная кадровая политика в России и ее реализация в органах внутренних дел (1998);

Проценко Е.Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России (1998);

Кожевина М.А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.) (2005).

Необходимо отметить и работы, посвященные непосредственно периоду создания и становления системы профессиональной подготовки в структуре НКВД РСФСР в 1917–1929 гг., а именно:

Гольдман В.С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР в 1917–1925 годах (1968);

Николаев П.Ф., Михайленко П.П. Подготовка командных кадров милиции РСФСР (1917–1929 гг.) (1969);

Беляков Е.Л., Черников В.В. Формирование системы подготовки кадров для советской милиции в 20-е годы (1983);

Шамаров В.М. Государственная служба в милиции НКВД РСФСР (становление и развитие правовых и организационных основ) (1999).

Эти работы по характеру наиболее близки к настоящему исследованию в силу совпадающих отчасти хронологических рамок событий, подвергающихся изучению.

Особого внимания заслуживают издания, подготовленные к 300-летию российской полиции, среди которых центральное место по праву принадлежит масштабному проекту авторского коллектива ДГСК МВД России и образовательных организаций ведомства «Устремленные в будущее... Система подготовки кадров МВД России» (2018), опубликованному под общей редакцией начальника ДГСК МВД России генерал-лейтенанта внутренней службы В.Л. Кубышко и посвященному истории зарождения и эволюции системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

В контексте региональной проблематики среди изданий, приуроченных к юбилею российской полиции, необходимо выделить обширную монографию «Образовательные организации системы МВД / НКВД в Воронежском регионе (1888–1942 гг.)» (2017), подготовленную авторским коллективом Воронежского института МВД России, в которой на основе комплексного анализа архивных источников была предпринята попытка построения периодизации

истории полицейско-милицейских образовательных организаций Воронежского региона в конце XIX – первой половине XX в.

Вместе с тем как в советской, так и в современной российской научной, специальной и краеведческой литературе сведения об образовательных организациях подобного рода, действовавших на Кубани до создания в 1977 г. Краснодарской школы усовершенствования начальствующего состава милиции МВД СССР, до настоящего времени представлены в крайне незначительной степени. Упоминания о них, в частности о Кубано-Черноморских областных командных милиционных курсах, находим в трудах В.Н. Ратушняка, Т.В. Ратушняк (Кубано-Черноморская областная милиция в начале 1920-х гг.; Становление милиции Кубани (1917–1920 гг.): из истории органов внутренних дел России и Кубани), П.Ю. Кучерова (Организационно-правовые основы формирования и деятельности милиции Кубани в первые годы советской власти и новой экономической политики, 1917–1929 гг.), В.В. Нечепуренко (Формирование милиции Кубани и Черноморья и ее деятельность по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1920-е гг.), однако они носят скорее краткий обзорный характер и охватывают сравнительно узкий спектр событий и явлений, связанных с жизнедеятельностью указанных организаций и ее правовой регламентацией.

Кроме того, некоторая информация о милицейских учебных заведениях встречается в историко-публицистических и справочных изданиях, выпускавшихся в разные годы (с конца 1960-х и вплоть до 2000-х гг.) под эгидой ГУВД Краснодарского края при участии ветеранов и действующих сотрудников, но она также не отличается глубокой детализацией. Поэтому при изучении опыта создания и деятельности кубанских милицейских учебных заведений рассматриваемого периода основной источниковой базой закономерно послужили материалы общих и ведомственных архивных учреждений Краснодарского края и Ростовской области, а именно:

Государственного архива Краснодарского края;

Центра документации новейшей истории Краснодарского края;

Государственного архива Ростовской области;

отдела специальных фондов информационного центра Главного управления МВД России по Краснодарскому краю;

отдела специальных фондов информационного центра Главного управления МВД России по Ростовской области.

Необходимость обращения к архивным данным была предопределена, с одной стороны, как уже упоминалось ранее, чрезвычайно скудным освещением вопросов истории развития местных милицейских образовательных учреждений в соответствующей литературе, с другой – потребностью в ее более детальном и глубоком изучении. Вместе с тем следует отметить, что и архивная база для исследований по данной проблематике пребывает в весьма плачевном состоянии. В подавляющем большинстве архивные материалы, особенно относящиеся к 20–30-м гг. XX в., имеют неудовлетворительную сохранность, а для содержания архивных дел характерны общая разрозненность и отсутствие элементарной систематизации документов.

Такое положение дел во многом объясняется тем, что в годы Великой Отечественной войны фонды кубанских и ростовских архивов подвергались эвакуации в восточные регионы страны, в процессе которой значительная часть документов была безвозвратно утрачена. Кроме того, в военный период многие документы, представлявшие особую важность и содержавшие государственную тайну, в случае появления угрозы захвата противником уничтожались по прямым указаниям партийных органов и органов государственной безопасности. Под различными предлогами чистки многих архивных фондов производились и в последующем, вплоть до начала 90-х гг. прошлого века.

Таким образом, целью настоящей работы является исследование истории образовательных организаций, осуществлявших профессиональную подготовку сотрудников органов внутренних дел на Кубани в 20–30-е гг. XX в., и более полное и детальное раскрытие основных особенностей их функционирования, анализ нормативных правовых актов, регламентирующих процесс их организации и последующую образовательную и служебную деятельность, изучение иных исторических документов, позволяющих сформировать представление об условиях работы указанных учреждений. В связи с этим в исследовании также ставится цель познакомить широкую аудиторию с содержанием наиболее важных первоисточников по истории указанных учебных заведений, впервые вводящихся в научный оборот в настоящем исследовании.

1. Борьба с неграмотностью личного состава органов внутренних дел на первоначальном этапе становления аппарата кубанской милиции

В марте 1920 г. с окончательным установлением советской власти в Екатеринодаре незамедлительно стала проводиться активная работа по организации местных органов советской рабоче-крестьянской милиции. Уже 19 марта, т. е. буквально через день после вступления в кубанскую столицу частей Красной Армии, была образована Екатеринодарская отдельско-городская милиция, а менее чем через месяц – 10 апреля в соответствии с приказом Северо-Кавказского революционного комитета было создано Управление рабоче-крестьянской милиции Кубано-Черноморской области¹ (административно-территориальное образование в составе РСФСР, существовавшее в 1920–1924 гг., учрежденное на территориях двух регионов Российской империи – Кубанской области и Черноморской губернии).

Вполне закономерно, что на данном историческом этапе при подготовке сотрудников вновь создаваемой кубанской милиции акцент первоначально был направлен именно на военную компоненту. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что 17 апреля 1920 г. из Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД РСФСР в Екатеринодар поступило «руководство для обучения военному искусству товарищей милиционеров»². Это было действительно актуально и полностью отвечало требованиям того непростого времени – в стране третий год шла Гражданская война, и вполне реальной продолжала оставаться и внешняя угроза для молодого советского государства. Впоследствии кубанские милиционеры неоднократно были командированы для участия в боевых действиях непосредственно на фронте, и после завершения войны полученный боевой опыт оказался чрезвычайно полезен в период жесткого противостояния со стремительно возросшей уголовной преступностью, бандитским эле-

¹ В борьбе и тревоге. Из истории милиции Кубани / Е.Г. Борисов, Л.Т. Карпенко, А.М. Неволлина и др. 2-е изд. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1971. С. 217–218.

² Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р103. Оп. 1. Д. 128. Л. 1–2.

ментом и антисоветскими «бело-зелеными» формированиями, изобиловавшими на Кубани в начале 1920-х гг.

Как известно, главная социальная опора большевистской власти в лице рабочих и крестьян и одновременно основной источник комплектования милицейских кадров являлась в основной своей массе крайне малограмотной. Естественно, что данная проблема не миновала и местные органы внутренних дел. Так, по информации культурно-просветительного отделения Кубано-Черноморского областного управления милиции, в Екатеринода-ре по состоянию на 21 мая 1920 г. «милиционеров и служащих учреждений милиции насчитывалось около 1 500 человек, из них неграмотных 2,5 % и малограмотных 22 %»¹ (здесь и далее по тексту во всех цитатах сохранена орфография, пунктуация и стилистика оригинальных архивных документов). Уместно предположить, что грамотность большей части остального личного состава также была весьма условной, поскольку это считалось обыденным явлением для начала 20-х гг. прошлого века. Вместе с тем необходимо отметить, что работа по ликвидации неграмотности в милицейской среде испытывала серьезные трудности ввиду отсутствия подготовленных педагогических кадров. По этому поводу заведующий областным управлением милиции Московский неоднократно обращался в отдел народного образования Кубано-Черноморской области с письмами следующего содержания: «Не имея опытных и вообще инструкторов в Культурно-Просветительной работе, Культ-Просвет убедительно просит прислать их, если имеются хотя бы для некоторых теоретических указаний по вопросам... школьной и других видов работ»².

В таких непростых условиях руководство Кубано-Черноморского областного управления милиции начинает предпринимать энергичные меры по борьбе с неграмотностью среди сотрудников органов внутренних дел. С конца мая 1920 г. осуществлялась подготовительная работа по организации школ для личного состава милиции. С этой целью в Екатеринодаре были «подысканы» пять помещений, упоминаемых в архивных документах следующим образом: 1) «Школа Журавлёвой» (Рашпи-

¹ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

² Там же.

левская, 25), на 75 мест, в которой планировалось обучать 50 неграмотных и 25 малограмотных милиционеров; 2) «Троицкое училище (угол Карасунской и Гривенской)» для 75 малограмотных милиционеров; 3) «Школа Николаевой» для 75 малограмотных милиционеров; 4) «Дмитриевское училище», рассчитанное также на 75 человек; 5) «3-е Выш. Нач. училище (в 4 районе гормилиции)», где предполагалось обучать 50 сотрудников.

Личный состав подразделялся на учебные группы по 25 человек в каждой. Ввиду тесноты учебных классов занятия проводили поочередно по два раза в неделю после 7 часов вечера согласно графику. Таким образом, возможно определить примерную численность одновременно обучаемых в указанных школах: 350 человек, в том числе 50 неграмотных, занятия с которыми должны были проводить всего «5 человек учителей», т. е. по одному на школу. Педагогам предписывалось «на местах выяснить подготовленность т. милиционеров в их грамотности и общем развитии». Далеко не все из перечисленных школ были обеспечены учебными пособиями, которые планировалось выдавать «по мере надобности под ответственность учащихся». Необходимо отметить и то, что все школы прошли своеобразную процедуру регистрации, что выразилось в выдаче «каждому училищу» подотделом внешкольного образования удостоверений «от 25 мая сего года за №-675 об утверждении их за Культ.-Просветом при Областном управлении милиции»¹.

7 июня 1920 г. заведующая культурно-просветительным отделением Ревинская рапортовала руководству областного управления милиции об открытии школ грамоты, которые «начнут функционировать с среды 9 июня. В этот день будет произведено милиционерам испытание и будут составлены списки на учебные пособия соответственно занятиям т. милиционеров». Кроме того, в рапорте имело место ходатайство «сделать распоряжение об освобождении указанных в списках т. милиционеров в намеченные дни и часы от прямых обязанностей»².

Несомненно, интерес представляет и процедура определения кандидатов на обучение и отнесения их к той или иной кате-

¹ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 129. Л. 54–54 об.

² Там же. Л. 59.

гории обучаемых. Из «Протокола Общего собрания членов всех районных Культурно-просветительных комиссий совместно с Политико-Просветительным отделом Областного Управления Милиции и Заведывающими школами милиционеров» следует, что для наиболее эффективной работы школ поступающих милиционеров надлежало путем вступительного экзамена «разделить на четыре степени грамотности: 1-я степень неграмотные, 2-я степень малограмотные, 3-я степень средне-грамотные, 4-я хорошо грамотные». По всей видимости, милиционеры, отнесенные к четвертой категории, от посещения занятий в школах освобождались. Кроме того, упомянутое выше собрание своим решением обязало городских «библиотекарей каждого района уделять побольше внимания для распространения среди товарищей милиционеров литературы»¹.

Подводя итоги проделанной работы, заведующий областной милицией Московский в своем приказе от 17 июня 1920 г. № 74 констатировал: «Во исполнение приказа Революционного Военного Совета Республики от 4 Сентября 1919 г. за № 1415 и согласно Временного Положения о школах грамотности, утвержденного РВСР, Областным Управлением Милиции, с соглашения и содействия Отдела Народного Образования Кубанско-Черноморской Области, открыто в гор. Екатеринодаре 5 школ грамоты для милиционеров». Кроме того, на все районные культурно-просветительные комиссии согласно этому приказу возлагалась обязанность «в деле управления, оборудования, снабжения пособиями и аккуратности посещения товарищами Милиционерами школ грамотности принимать самое деятельное участие, входя в руководящие школьные органы»².

25 июня 1920 г., когда первые екатеринодарские школы уже приступили к работе, в областное управление милиции был направлен секретный циркуляр уполномоченного Главного управления милиции НКВД РСФСР по организации милиции на Кавказе П. Салина, в котором говорилось: «Исходя из имеющихся в моем Управлении материалов о низком культурном уровне и полнейшей неграмотности т. милиционеров в горных районах

¹ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 91. Л. 12.

² Там же. Д. 129. Л. 100.

Кубанской обл., руководствуясь общей Инструкцией по организации милиции, не допускающей неграмотных граждан к несению службы в рядах милиции, и принципом Советской Власти привлечь беднейший класс к строительству нового Социалистического государства и широко использовать энергию пролетарских масс, вынужденный обстоятельствами, считая долгом устранения подобных явлений, в целях успешного проведения культурно-просветительных работ, предлагаю принять энергичные меры к устройству школ грамоты и прочих культурно-просветительных работ среди Сов. Раб. Кр. Милиции на местах»¹. В связи с этим вслед за Екатеринодаром к октябрю 1920 г. семь аналогичных школ грамоты для милиционеров будут организованы во всех отделах (уездах) Кубано-Черноморской области, в которых за полгода будет прочитано 574 общеобразовательных и 79 политических лекций².

Примечателен и тот факт, что наиболее активные малообразованные милиционеры Екатеринодара, проявляя заинтересованность в скорейшем повышении уровня собственных знаний, 19 июля 1920 г. обратились с ходатайством «о введении ежедневных занятий с 7 до 10 ч. вечера для более успешного прохождения азбуки». При этом руководство городской милиции, охотно поддержав подобную инициативу, освободило указанную категорию сотрудников «от исполнения служебных обязанностей в вечернее время сроком на две недели»³. Более того, «Общее собрание милиционеров 1-го района Рабоче-Крестьянской Советской милиции г. Екатеринодара», состоявшееся 9 июля 1920 г. постановило учредить «еженедельное однодневное общее собрание с целью просвещения – каждую пятницу для слушания лекций и чтения политических книг в 8 часов вечера», обязав к посещению «такового собрания каждого милиционера, свободного от наряда»⁴.

Таким образом, обучение элементарной грамоте сыграло немаловажную роль в приобщении многих сотрудников кубанской милиции «к культуре и активной общественной деятельности, пробуждало у них еще большую жажду к знаниям и откры-

¹ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 129. Л. 115.

² В борьбе и тревоге ... С. 28.

³ ГАКК. Ф. Р 103. Оп. 1. Д. 91. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 15.

вало дорогу»¹ для определенного служебного роста в будущем и поступления в специализированные милицейские учебные заведения более высокого уровня, создававшиеся на Юге РСФСР с 1921 г.

Помимо осуществления мероприятий по ликвидации безграмотности среди рядового и младшего командного состава, руководство Кубано-Черноморского областного управления милиции было озабочено и проблемой подготовки более квалифицированных кадров. По этой причине и «ввиду того, что для работы по Милиции в областном масштабе необходимы опытные и политически-образованные работники», начиная с лета 1920 г. «наиболее развитых и политически благонадежных» милиционеров Кубано-Черноморской области «из числа коммунистов и кандидатов на вступление в РКП(б)» стали направлять в Школу партийного и советского строительства Политического отдела тыловых частей IX Кубанской армии, дислоцировавшейся в то время в г. Екатеринодаре².

Вместе с тем архивные документы свидетельствуют о том, что в июле 1920 г. политико-просветительный отдел Кубано-Черноморского областного управления милиции «для поднятия уровня юридических элементарных знаний товарищей милиционеров» высказывал предложение об организации собственной подготовительной школы, «в коей милиционеры получили бы необходимое понятие юридического права, составление протоколов, ведение дознаний следственного розыска и других наук, необходимых для всякого милиционера»³. Однако сведений о реализации данной инициативы на том этапе не сохранилось, но, на наш взгляд, ее с уверенностью можно считать прологом к созданию первого на Кубани образовательного учреждения по профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел – Кубанско-Черноморских областных командных милиционных курсов, к организации которых приступили уже в начале следующего года.

В заключение необходимо отметить, что создание и функционирование описанных выше школ осуществлялось без четких

¹ В борьбе и тревоге... С. 29.

² ГАКК. Ф. Р 103. Оп. 1. Д. 134. Л. 5–10, 12–13.

³ Там же. Л. 11.

организационных и учебных планов, при отсутствии какой-либо единой программы обучения. Несмотря на это, школам в целом удалось выполнить свое основное предназначение по ликвидации безграмотности, пусть и не в полной мере, и частичному повышению культурного уровня сотрудников милиции. Их деятельность следует рассматривать как важный и неотъемлемый этап, подготовивший почву для создания в 1921 г. первого в г. Краснодаре и на Кубани специального милицейского учебного заведения качественно иного уровня.

2. Особенности профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел на Кубанско-Черноморских областных командных милиционных курсах (1921–1922 гг.)

Приступая к изложению истории первого кубанского специального учебного заведения для сотрудников органов внутренних дел, вначале необходимо кратко охарактеризовать особенности развития милицейской образовательной системы в общегосударственном масштабе.

В результате слома царского жандармско-полицейского аппарата и последующей ликвидации системы поддержания правопорядка Временного правительства в ходе двух революций 1917 г. острейшим образом встала проблема специального обучения сотрудников зарождавшейся тогда советской милиции по различным направлениям их профессиональной деятельности. Задача качественной подготовки новых кадров обретала повышенную актуальность и не терпела малейшего отлагательства. Так, первые милицейские школы и курсы начали организовываться в молодой советской республике уже со второй половины 1918 г. К таковым следует относить Московскую школу командного состава милиции и Петроградские курсы милиционеров, первые выпуски в которых состоялись уже в октябре и декабре 1918 г. соответственно¹. Еженедельный журнал НКВД РСФСР «Власть Советов» дал оптимистичную оценку появлению первых учебных заведений: «Нельзя не приветствовать такое начинание. Желательно, чтобы и в других губерниях было приступлено к организации таких же курсов»².

В 1919 г. преимущественно в центральных и северо-западных регионах страны, в которых к тому времени большевистской властью были завоеваны достаточно прочные позиции и постепенно налаживалась мирная жизнь, начали активно создаваться всевозможные учебные заведения по подготовке сотрудников милиции. В одном из сентябрьских циркуляров НКВД

¹ Кожевина М.А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 74.

² Власть Советов. 1918. № 29. С. 31 (цит. по: Кожевина М.А. Указ. соч. С. 74).

РСФСР за 1919 год значилось следующее: «...последнее время в некоторых губерниях стали самостоятельно создавать школы и курсы для милиционеров»¹.

В 1920 г. этот процесс приобрел повсеместный характер. В большинстве регионов Советской России местные органы власти не дожидались руководящих указаний из центра, а по собственной инициативе самостоятельно учреждали различные учебные заведения, как то: «командно-технические курсы милиции», «курсы красных милиционеров», «милицейские курсы», «школы милиционеров». Срок обучения в них существенно разнился и составлял приблизительно от 2 до 8 месяцев, а количество курсантов – от 30 до 200 человек², в зависимости от кадровых потребностей местной милиции и бюджетных возможностей местных Советов. В связи с этим в отчетном докладе отделения подготовки ГУМ НКВД РСФСР указывалось, что губернскими и областными управлениями милиции самостоятельно разрабатывались программы обучения, однако при этом наблюдался заметный «перегиб в сторону уставов военных и строевых»³.

Рассматривая Кубань, необходимо учитывать тот фактор, что для Кубано-Черноморья, являвшегося одним из основных очагов ожесточенного сопротивления советской власти, и по этой причине на протяжении более длительного времени, чем губернии центральной России, охваченного Гражданской войной, организация собственных милицейских курсов по объективным причинам стала возможна не ранее чем в конце 1920 – начале 1921 г. К этому времени война в европейской части страны полностью завершилась окончательным поражением Белого движения в соседнем Крыму, а позиции большевиков в Кубано-Черноморской области существенно укрепились.

Далее перейдем непосредственно к событиям создания учебного заведения. Как свидетельствует докладная записка начальника милицейских курсов С.Н. Павлова, датируемая октябрём 1921 г., их организация в Краснодаре «происходила по инициативе Областного Исполкома без задания центра, так что когда был получен приказ Главмилиции Республики о формировании Ко-

¹ Власть Советов. 1919. № 10. С. 36 (цит. по: Кожевина М.А. Указ. соч. С. 74).

² Кожевина М.А. Указ. соч. С. 80.

³ Там же.

мандных Курсов Милиции, таковые были уже сформированы, и даже выпущен был первый выпуск курсантов»¹.

Приказ, на который в своей записке ссылался С.Н. Павлов, – это приказ Главного управления милиции (ГУМ) НКВД РСФСР от 17 апреля 1921 г. № 69, которым, как считали в самом НКВД, «был положен твердый фундамент для дальнейшего развития сети школ»². По мнению исследователя отечественной милицейской школьно-курсовой системы М.А. Кожевиной, издание данного нормативно-правового акта следует считать «началом нового этапа в жизни милицейской школы». Именно этим приказом были утверждены типовые Положение и Программа курсов командного состава при губернских и областных управлениях милиции, т. е. первые правовые документы, внесшие единообразие в систему подготовки кадров³. Описание разработанных на их основе документов для краснодарских курсов будет приведено ниже в порядке хронологии событий.

Вероятно, что впервые предложение о необходимости создания местных курсов было документально зафиксировано в протоколе заседания «2-го съезда начальников отдельских и городских милиций Кубанско-Черноморской области... и начальников отделений угрозыска... состоявшегося в городе Екатеринодаре 27–29 декабря 1920 года»⁴. Заглавие данного документа является подтверждением одного любопытного эпизода из истории кубанской столицы. Город официально лишился своего исторического названия еще 7 декабря, получив новое имя, – Краснодар. В этот день Народный комиссариат внутренних дел РСФСР удовлетворил ходатайство Кубано-Черноморского революционного комитета о переименовании Екатеринодара, что было закреплено в соответствующем постановлении республиканского ведомства за № 24378. Однако на Кубани широкой общественности об этом стало известно лишь после 28 декабря, когда в свет вышел номер газеты «Красное знамя», содержащий статью, посвященную данному событию. И, действительно, в приказах по

¹ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 171.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 31. Д. 330-б. Л. 13.
Цит. по: Кожевина М.А. Указ. соч. С. 90.

³ Кожевина М.А. Указ. соч. С. 90–91.

⁴ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 87. Л. 7.

городской милиции астионим «Краснодар» начинает встречаться не раньше 30 декабря 1920 г.

На съезде председательствовал начальник областного управления милиции А.И. Рыбин, секретарем съезда был назначен Д.И. Кулабухов, зачисленный в штат управления лишь 13 октября 1920 г. на должность помощника инспектора отделения промышленной милиции¹, а на момент проведения съезда уже занимавший должность заведующего отделом общей милиции, что отчетливо демонстрирует имевшие место в то время случаи невероятной быстроты продвижения по служебной лестнице, в том числе и ввиду колоссальной текучести кадров, свойственной для советской милиции рассматриваемого периода. Поистине время причудливых и головокружительных карьер.

Именно Д.И. Кулабухов 28 декабря 1920 г. выступил на вечернем заседании съезда с докладом «о военном и милицейском обучении, о состоянии дисциплины, причинах ее упадка и способах улучшения». В своем выступлении он отметил «особенную ответственность обязанностей Милиции в эпоху гражданской войны и диктатуры пролетариата, а также возможность на основании существующих декретов, привлечения Милиции для сотрудничества Красной армии в боевой деятельности для борьбы с контр-революционными выступлениями бело-зеленых банд, подчеркнул необходимость для Милиции знания военного искусства и обязанностей Милиции, изложенных в соответствующих инструкциях»².

Далее Д.И. Кулабухов кратко представил «концепцию» проекта областного управления милиции «об организации школ /курсов/ для комсостава Милиции и милиционеров», согласно которой «обучение должно идти по трем направлениям:

- 1/ военное и милицейское обучение,
- 2/ Советское строительство,
- 3/ политическая подготовка.

Курсы для комсостава должны быть организованы при Областном Управлении Милиции для милиционеров при каждом Отдельском и Городском Управлении Милиции. Кадр преподава-

¹ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 17. Л. 172 об.

² Там же. Д. 87. Л. 13.

телей должны составлять представители: Отдела Управления, Парткомов и Милиции. Срок обучения месячный. Курсанты должны числиться на правах милиционеров, но прямых обязанностей не несут, они могут быть привлекаемы в исключительных случаях как боевой резерв»¹. Особенно он отметил «необходимость всех милиционеров Области пропустить через курсы». По его мнению, «дальнейший прием в Милицию должен быть только при условии прохождения курсов. Для поверочных испытаний, а также для очистки Милиции от наносного элемента необходимо учредить «контрольно-приемочные бюро» в каждом отделе»².

Так, на съезде кубанской милиции, завершившиеся 29 декабря «под пение Интернационала и возгласы «Ура» Вождям Пролетарской революции»³, по сути была сформулирована и одобрена программа, провозгласившая курс на скорейшее создание так называемой «школы комсостава милиции».

Немногим более чем через две недели после окончания работы съезда в областной отдел управления за подписью А.И. Рыбина был представлен первоначальный вариант «Проекта об организации краткосрочных курсов для комсостава Кубчерн. Облмилиции», датируемый 13 января 1921 г.⁴ В последующем и до окончательного утверждения, которое состоится 11 марта 1921 г., текст данного документа будет подвергаться многократной переработке, но до наших дней в наилучшем и наиболее полном состоянии дойдет именно эта начальная версия проекта. Поэтому подробнее остановимся на анализе именно ее содержания.

Предложения, озвученные Д.И. Кулабуховым на съезде, в настоящем проекте были значительно расширены и конкретизированы. Структурно документ подразделялся на два крупных блока: «общие положения» и «программу командных курсов». Целью организации курсов, состоящих в ведении «Областного Управления Милиции», являлась подготовка «комсостава к правильной постановке работ милицейского аппарата, являющегося исполнительным органом охраны революционного порядка и проведения в жизнь на местах решений органов Власти».

¹ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 87. Л. 13.

² Там же. Л. 13 об.

³ Там же. Л. 18 об.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 20–21.

Срок обучения первоначально должен был составлять всего лишь три недели, а количество обучаемых не могло превышать 45 человек. В документе указывалось, что наряду с чтением лекций «по специальным милицейским вопросам, на курсах вводится преподавание по общеобразовательным предметам». Кроме того, в проекте упоминалось об отсутствии «каких-либо пособий по вопросам милицейской службы», что позволяет нам получить представление о том, в каких непростых условиях предстояло начинать работу новому учебному заведению. Впрочем, данная ситуация не являлась исключением и была типичной для милицеских школ и курсов того времени в большинстве российских регионов.

Финансирование курсов должно было осуществляться за счет средств местного бюджета и находилось в ведении отдела управления Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета. На период обучения курсанты в полном объеме сохраняли «за собой следуемые им по месту службы содержание и все виды довольствия». Питание личного состава курсов предполагалось организовать «в столовой Краснодарской Гормилиции».

«Программа командных курсов» предусматривала шесть разделов: «Политический отдел», «Юридический отдел», «Советская рабоче-крестьянская милиция», «Практическое военное обучение», «Практические занятия в учреждениях наружной и уголовной милиции», «Общеобразовательные предметы». Наиболее объемным являлся третий раздел, включавший «задачи и обязанности милиции в государственном масштабе», особенности деятельности подразделений различных видов советской милиции (губернской, уездно-городской, уголовной, водной, промышленной, линейной), а также взаимодействие милиции с органами ВЧК и «Военным Ведомством».

Среди общеобразовательных предметов значились «Русский язык» (в частности, грамматика, диктовка, изложение и сочинение) и «Арифметика».

В соответствии с проектом открытие курсов должно было состояться «не ранее 25 января 1921 года»¹. В действительности же это событие произойдет уже менее чем через месяц после ука-

¹ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 87. Л. 20 об.

занного срока. Таким образом, датой начала формирования первого образовательного учреждения на Кубани, специализировавшегося на профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел, по нашему мнению, следует считать 17 февраля 1921 года¹. Именно это число фигурирует в сохранившемся в архивном деле небольшом фрагменте первого приказа по курсам, дошедшем до наших дней.

Полное наименование новой образовательной организации звучало следующим образом: *Кубанско-Черноморские областные милиционные командные курсы*², а их первым начальником был назначен *Александр Родионович Карпов*³.

Чрезвычайно сложно обстояло дело с подбором места для размещения учебного заведения, даже рассматривалась возможность «приспособить библиотеку милиции под командные курсы»⁴. Первоначально было выделено помещение, располагавшееся по адресу: ул. Карасунская, 69⁵. Однако уже в марте произошел перевод курсов в строение № 101 по ул. Бурсаковской⁶ (ныне ул. Красноармейская). Окончательное место дислокации милицеских курсов было определено в июне 1921 г., когда состоялся их переезд в здание № 84, находившееся на углу улиц Пашковской и Бурсаковской⁷. С тех пор прошел почти век, нумерация зданий на улицах исторической части Краснодара неоднократно изменялась, кроме того, город подвергся сильным разрушениям в период немецко-фашистской оккупации, поэтому вопрос о сохранности построек, в которых располагались курсы, в настоящее время остается нерешенным и может выступать предметом для проведения отдельного исследования.

Руководство областного управления милиции и начальник учебного заведения незамедлительно приступили к формированию аппарата курсов, и уже к 24 февраля в их штат было зачислено 17 человек постоянного состава⁸.

¹ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Д. 1. Л. 69.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 37.

⁶ Там же. Л. 96.

⁷ Там же. Л. 118.

⁸ Там же. Д. 2. Л. 3.

Начиная со 2 марта 1921 г. из областного управления милиции в отделы милиции городов Краснодара, Армавира, Новороссийска, Майкопа, Ейска, станиц Тихорецкой, Брюховецкой, Славянской и др. начинают поступать телефонограммы с требованием направить на курсы от 5 до 15 грамотных партийных милиционеров (в зависимости от численности сотрудников в том или ином отделе). Примечательно, что эти запросы сопровождалась грозными предостережениями: «При замедлении будете преданы суду!»¹ Позднее телефонограммы дублировались с уточнением о необходимости «командирования на курсы наиболее слабых начальников районов, старших и младших милиционеров»².

Благодаря предпринятым энергичным мерам зачисление курсантов первого набора началось уже 14 марта и полностью завершилось 3 апреля 1921 г. Всего на учебу был принят 61 человек³.

Зачисление на курсы производилось «на следующих условиях: принимаются лица вполне здоровые, грамотные, из пользующихся бессрочным отпуском в Красной Армии, уволенные либо откомандированные из рядов Красной Армии. Все поступающие товарищи обязаны после окончания курсов послужить не менее одного года в милиции»⁴. Кроме того, в требованиях к обучаемым говорилось: «Каждый курсант должен быть примером в отношении чистоплотности, поведения и исполнения приказаний по службе от своих прямых начальников»⁵.

Бесспорно, интерес представляет сохранившаяся в архиве социально-демографическая и служебная характеристика 58 курсантов «первого созыва», зачисленных до 1 апреля. Так, 45 % обучаемых по социальному происхождению были отнесены к хлеборобам, 12 % – к чернорабочим, 1 % – к рабочим и 42 % – к представителям иных профессий. По возрастному признаку наиболее многочисленной являлась категория курсантов от 23 до 27 лет, она составляла 62 % переменного состава. По служебному положению 66 % обучаемых являлись младшими милиционерами

¹ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 87. Д. 1. Л. 54–66.

² Там же. Л. 86.

³ Там же. Д. 14. Л. 19.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 47.

⁵ Там же. Л. 62.

и соответственно 34 % занимали должности старших милиционеров. По партийной принадлежности 64 % состояли действительными членами РКП (б), 12 % – кандидатами на вступление в коммунистическую партию и 24 % – беспартийными¹. Совершенно очевидно, что приведенные выше значения процентов были некорректно округлены составителем данного документа, что, однако, не преуменьшает его историческую значимость для настоящего исследования.

Следующим важным этапом в развитии курсов стало утверждение состава «Педагогического Совета». Это событие произошло 17 марта 1921 г. В приказе начальника отмечалось, что данный орган создается «для коллегиального обсуждения учебных вопросов»². Заведующим учебной частью и председателем педагогического совета был назначен *Артур Янович Паэгле*³, который уже 24 марта сменил на посту начальника командных курсов А.Р. Карпова, откомандированного для дальнейшего прохождения службы в IX Кубанскую армию. В распоряжении заведующего учебной частью находились лишь преподаватели, которые наряду с самим заведующим и образовывали немногочисленный состав педагогического совета. Необходимо совершенно справедливо указать на то, что, хотя А.Я. Паэгле и не вошел в историю как первый начальник курсов, именно на его плечи легла вся организационная нагрузка по подготовке и выпуску курсантов первого набора.

Следует отметить, что формирование постоянного преподавательского состава командных курсов также сопровождалось серьезными трудностями. В одном из рапортов встречается неутешительная констатация: «штатных лекторов 6 человек, вместо положенных по штату 11»⁴. Проблему отсутствия преподавателей приходилось решать путем привлечения «нештатных по мере надобности»⁵ из числа работников средних и высших учебных заведений⁶ кубанской столицы.

¹ ГАКК. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 87. Д. 18. Л. 1–2.

² Там же. Д. 3. Л. 13.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 14. Л. 20.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 1.

⁶ В борьбе и тревоге... С. 31.

Оплата за каждую проведенную лекцию составляла 700 руб. и подразумевала дополнительную премию в размере 100%, т. е. 1 400 руб. за одно занятие¹. Данная сумма являлась весьма скромным вознаграждением по меркам 1921 г., когда с началом реализации Новой экономической политики страна погрузилась в пучину гиперинфляции. Темп роста цен в конце 1921 г. оказался на уровне 112 % в месяц, а в начале 1922 г. превысил отметку в 260 % ежемесячно². Так, например, в октябре 1921 г. цена за пуд картофеля составляла 20 тыс. руб., а пуд ржаной муки обходился уже в 140 тыс. руб.³ В этот период население Кубани и России в целом находилось в крайне тяжелом бедственном положении. Людям приходилось выживать. Помимо преподавателей гражданских учебных заведений, занятия с курсантами проводили практические работники милиции и уголовного розыска, привлекались работники суда и прокуратуры⁴. Таким образом, на протяжении всего своего недолгого существования краснодарские милицейские курсы испытывали острый дефицит квалифицированных преподавательских кадров. Вышеизложенная информация дает основание справедливо полагать, что реализация учебного процесса оказалась возможной во многом благодаря энтузиазму людей, преданных своему делу.

2 апреля 1921 г. приказом по курсам № 44 было утверждено первое расписание учебного заведения⁵. В тексте документа говорилось: «Объявляю для сведения т.т. курсантам, что с 4-го сего Апреля с 8^{1/2} часов начинаются регулярные классные занятия. При сем объявляю расписание занятий». Как видно из содержания прекрасно сохранившегося приказа, на курсах была установлена шестидневная рабочая неделя, а переменный состав подразделялся на три учебные группы. Ежедневно с 8 ч 30 мин до 12 ч 30 мин проводилось по пять уроков продолжительностью 40 мин каждый. Исключением являлась пятница, в этот день было

¹ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

² Денежный хаос в России в 1917–1924 гг. URL: <http://www.globfin.ru/articles/crisis/russia.htm> (дата обращения: 19.01.2018).

³ Зарплаты и цены с XVI в. до 2012 года. URL: <http://www.russian-money.ru/Articles.aspx?id=2&type=content&AspxAutoDetectCookieSupport=1> (дата обращения: 19.01.2018).

⁴ В борьбе и тревоге... С. 31.

⁵ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

предусмотрено только четыре урока, которые завершались в 11 ч 40 мин. Продолжительность перемен составляла 10 мин. Таким образом, за одну неделю курсанты посещали 29 занятий по различным дисциплинам.

В расписании имели место семь учебных дисциплин. Слушателям каждой группы еженедельно полагалось:

по 3 занятия по «Законоведению», «Политграмоте» и «Уставам»;

по 5 занятий по «Арифметике», «Русскому языку», «Милиции» и «Уголовной милиции».

Занятия по всем предметам проводились с каждой учебной группой индивидуально, кроме лекций по «Уголовной милиции», на которых одновременно присутствовали все три группы. Примечательно, что занятия по данной дисциплине проводились лично действующим начальником Кубано-Черноморского областного управления милиции А.И. Рыбиным, в недавнем прошлом сыгравшим ключевую роль в создании курсов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что курсы обладали собственным либо арендуемым аудиторным фондом, насчитывавшим минимум три классных помещения.

Кроме того, в расписании в сокращенном виде зафиксированы фамилии одиннадцати преподавателей, в том числе и начальника курсов А.Я. Паэгле, проводившего занятия по «Уставам», а также нового заведующего учебной частью Борзаковского, преподававшего «Законоведение».

Во второй половине дня курсанты занимались внеклассными практическими занятиями в городских отделах милиции. Повышенное внимание уделялось строевой и огневой подготовке, для обучения последней в соответствии с утвержденным графиком использовалось «Гарнизонное стрельбище гор. Краснодара»¹.

В повседневной работе курсов отмечалась хроническая нехватка, а порой и полное отсутствие неотъемлемых атрибутов нормальной организации учебного процесса – учебников и методических пособий «по вопросам милицейской службы», без которых, как указывалось в рапорте «Начальника Облуправления», «дело обучения милиции не может быть поставлено на должную

¹ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 4. Л. 103.

высоту»¹. Для преодоления этой проблемы в штат учебного заведения даже были включены стенографисты, в обязанности которых входила фиксация всего лекционного материала «в целях облегчения курсантам прохождения лекций при повторении таковых, а равно и руководства ими в дальнейшем преподавании»².

Однако, не взирая на все многочисленные трудности, на лицейских курсах даже удавалось проводить активную культурную работу среди обучаемых, специально для которых были организованы «драматическая, музыкальная и хоровая секции». Занятиями руководил «профессор Кубанской Государственной Консерватории товарищ Уваров»³.

Срок обучения курсантов первого набора составил шесть недель. Успешно справились с учебной программой 60 человек⁴. Все выпускники в мае 1921 г. были направлены в распоряжение «начальника Кубано-Черноморской Облмилиции для назначения на должности комсостава»⁵ и в последующем «распределены в Отдельские Милиции Кубано-Черноморской области»⁶. Следует упомянуть, что из НКВД РСФСР на места был разослан «Циркуляр Главмилиции Республики» от 24 декабря 1920 г., который гласил: «всем начальникам губмилиций впредь со всех курсов командного состава... по окончании курса, откомандировывать в распоряжение Главмилиции пять курсантов коммунистов, проходивших военную службу и ярко выдлившихся своими способностями во время прохождения курсов»⁷. К сожалению, установить в кубанских архивах документы, подтверждающие либо опровергающие факт отправки лучших краснодарских выпускников в ГУМ НКВД РСФСР, не удалось.

В то время, как на Кубано-Черноморских командных курсах велась упорная работа по обучению курсантов первого набора, начальник ГУМ НКВД РСФСР 17 апреля 1921 г. подписал упоминавшийся выше приказ № 69. Данный документ подтвердил существование уже действовавших на тот момент курсов, в том

¹ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

² Там же. Д. 3. Л. 20.

³ Там же. Д. 4. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 162.

⁵ Там же. Д. 14. Л. 33.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 162.

⁷ Там же. Ф. Р103. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

числе и краснодарских¹. Во исполнение этого приказа руководство областного управления милиции приступило к разработке нового положения о курсах, которое должно было соответствовать типовому документу, утвержденному главком.

15 июня 1921 г. «Врид [временно исполняющий должность] начальника Кубано-Черноморской Областной милиции» Пахомов утвердил «Положение о Кубано-Черноморских Областных Командных курсах Командного состава Рабоче-Крестьянской милиции»².

Раздел 1 «Цель и организация курсов» провозглашал: «Командные курсы областной милиции имеют своею основной целью подготовку для Отдельских милиций низшего командного состава – начальников районов, старших милиционеров, а также инструкторского состава – взводных милиционеров».

В соответствии с Положением курсы находились в ведении «Облкомпрофобра» (Областного комитета профессионального образования) и состояли в непосредственном подчинении Управления Кубано-Черноморской областной милиции.

Численный состав курсантов должен составлять 100 человек. Весь внутренний распорядок курсов подчиняется «инструкции, выработанной в соответствии с действующими Уставами Красной Армии и Главмилиции».

Преподаваемые предметы, круг которых заметно расширился, подразделялись на общеобразовательные и специальные. К общеобразовательным были отнесены: русский язык, арифметика, политграмота, география и природоведение. Блок специальных дисциплин включал: военные уставы, геометрию, топографию, тактику, законоведение (советское право и законодательство), милиционную систему, уголовный розыск, а также «очерки исторического развития организации и задачи Чека и ее органов»³.

Во втором разделе Положения указывалось: «Начальник Курсов назначается и подчиняется (непосредственно) Начальнику Облмилиции», отвечает за «неуклонное проведение в жизнь планов и программ, утвержденных Облмилицией».

¹ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 207.

² Там же. Л. 1.

³ Там же.

Положение предусматривало наличие должности комиссара курсов, на которого возлагалась ответственность «за подготовку курсантов в политическом отношении». Комиссар руководил «всею политической и культурно-просветительскою жизнью Курсов» и находился в «непосредственном подчинении Начальника полит-секретариата Областной милиции»¹.

В разделе «Прием на курсы» отмечалось, что «комплектование производится путем командирования удовлетворяющих требованиям поступления лиц из рядов Милиции, а также демобилизованными красноармейцами»². Для малограмотных лиц, поступающих на курсы, была установлена обязанность прохождения так называемого «подготовительного класса» продолжительностью один месяц³.

Срок обучения был увеличен вдвое и вместо шести недель составлял три месяца. Занятия проводились по программам, «утвержденным Управлением Облмилиции и Облкомпрофобра». Данные положения были закреплены в разделе «Прохождение курсов»⁴.

Интерес представляет и раздел «Права окончивших курсы», в котором была установлена прерогатива «Педагогического Совета» подразделять выпускников на два разряда. Лица по окончании курсов, отнесенные к первому разряду, получали право назначения на должности «начальника района и помощника командира роты». Выпускники, соответствовавшие второму разряду, могли претендовать на должности рангом ниже, такие как «старший милиционер, взводный командир, взводный инструктор»⁵.

Чрезвычайно ценным представляется «План занятий на трехмесячном обучении», обнаруженный в архиве. В настоящем документе представлены одиннадцать учебных дисциплин с указанием количества часов, отводимых для изучения каждой.

1. Политграмота – 24 ч.
2. О милиционной системе – 66 ч.
3. Законоведение – 24 ч.

¹ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 6.

4. Русский язык – 60 ч.
5. Арифметика – 72 ч.
6. География – 24 ч.
7. Природоведение – 26 ч.
8. Тактика – 36 ч.
9. Топография – 24 ч.
10. Уставы – 36 ч.
11. Строй – 178 ч.

Таким образом, полный курс обучения состоял из 570 учебных часов¹, из которых 364 часа приходились на освоение шести специальных дисциплин, что составляло примерно 64 % учебного времени. Однако около половины от этого объема отводилось на строевую подготовку, вследствие чего на занятия по общеобразовательным предметам приходилось даже на 20 часов больше, чем на аудиторные занятия по специальным дисциплинам (206 часов против 186).

Спустя непродолжительное время после утверждения нового положения серьезные изменения претерпели и штаты милицейских командных курсов. Численность постоянного состава определялась уже в 34 единицы², что ровно вдвое превосходило показатель, фигурировавший в февральском документе. Руководящий состав был представлен двумя должностями: начальника курсов и комиссара курсов. При этом в документе имелось важное примечание о том, что назначению на указанные должности подлежали лица «из милицейских специалистов с военной подготовкой со средним образованием», т. е. опытные люди, обладавшие достаточным объемом знаний и определенными профессиональными навыками.

В категории «Учебная часть» наличествовало 14 должностей: заведующий учебной частью, 11 преподавателей и 2 стенографиста, а также была предусмотрена возможность привлечения нештатных преподавателей «по мере надобности», точное количество которых указано не было.

Постоянный состав «Строевой части» включал четыре должности: командира роты («он-же Помнач курсов») и трех ко-

¹ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

² Там же. Л. 1.

мандиров взводов. Численность переменного курсантского состава была определена в 100 единиц. Данный показатель полностью соответствовал количеству обучаемых, зафиксированному в новом Положении об учебном заведении.

Раздел «Канцелярия» насчитывал 5 должностей: адъютант, переписчик, журналист, машинист, и посыльный.

«Хозяйственная часть» была представлена семью различными видами должностей, а именно: завхоз, делопроизводитель («он-же казначей»), переписчик, повар, каптенармус, уборщик и коновод. Для двух последних было предусмотрено по две штатные единицы.

Кроме того, в данном документе присутствует раздел «Обоз», отражающий сведения о некотором имуществе милицеевских курсов, в котором, в частности, значатся: повозка, кипяtilьник, походная кухня и четыре лошади.

Вместе с тем следует отметить, что с большой долей вероятности рассмотренные штаты в последующем пересматривались в пользу сокращения ввиду недостаточного финансирования учебного заведения. Об этом свидетельствуют отметки на экземпляре штатов, представленном в архиве, выполненные карандашом и красными чернилами. Так, напротив должностей переписчика и повара стоят прочерки («—»), а напротив должностей стенографиста, уборщиков и коноводов карандашом написана цифра «1». Позднее красными чернилами слова «коноводы» и «лошади» были вычеркнуты совсем, а эти прочерки снабжены краткими пояснениями, выполненными неразборчивым почерком.

Настоящий документ ценен и тем, что он подписан новым, уже третьим по счету начальником Кубано-Черноморских областных милицеевских командных курсов *Сергеем Николаевичем Павловым*, приступившим к исполнению обязанностей руководителя 18 июня 1921 г.¹

Второй набор курсантов начался 24 июня 1921 г.² Приступить к занятиям предполагалось 17 июля³, однако к указанному сроку в г. Краснодар было откомандировано лишь 66 милиционеров. Поэтому во все областные отделы рассылались дополни-

¹ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 171.

² Там же. Д. 14. Л. 42.

³ Там же. Д. 4. Л. 62.

тельные требования о направлении личного состава на обучение с устрашающей формулировкой предупредительного характера: «...невыполнение повлечет суровое наказание!»¹. Ликвидировать некомплект слушателей удалось в кратчайшие сроки, и уже ровно через неделю, т. е. 25 июля, начались учебные занятия².

В этот период учебное заведение с точки зрения материального обеспечения потребностей учебного процесса и всех видов довольствия переменного состава пребывало в чрезвычайно неблагоприятном положении, если не сказать катастрофическом. В «Заключении о состоянии Курсов», датированном 9 августа 1921 г., отмечалось: «Курсанты крайне нуждаются в обмундировании, обуви и белье... необходимо принять во внимание и тяжелые условия, в какие поставлены учащиеся на Милицейских Курсах в отношении продовольствия. Голодание курсантов получило тяжелой характер...»³.

Осенью состояние дел только усугубилось. Так, начальник курсов С.Н. Павлов в рапорте от 8 октября 1921 г., отвечая на запрос «Главмилиции Республики», докладывал «начальнику областной милиции»: «Общая нужда ощущается в недостатке учебников, тетрадей, карандашей, учебных пособий и денег на выплату жалований лекторам, сотрудникам и курсантам»⁴. Спустя два дня, 10 октября, начальник Кубано-Черноморского областного управления милиции Макарий Николаевич Демус лаконично телеграфировал в Главное управление милиции НКВД РСФСР: «Острая нужда ощущается в учебных пособиях, канцелярских принадлежностях и денежных знаках»⁵.

Упомянутый выше рапорт С.Н. Павлова, помимо описания проблем материального снабжения учебного заведения, содержит ценную информацию, позволяющую получить представление об организации учебного процесса у курсантов второго набора. Переменный состав был разделен на пять неравных по количеству обучаемых «классных групп». В составе первой группы находился 21 человек, второй – 19, третьей – 27, а в остальных двух груп-

¹ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 118, 119, 121.

² Там же. Л. 162.

³ Там же. Д. 4. Л. 54.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 162.

⁵ Там же. Л. 154.

пах было всего 30 курсантов. Таким образом, по состоянию на 8 октября 1921 г. на курсах числилось лишь 97 учащихся вместо предусмотренных 100. По всей видимости, неравномерное разделение курсантов на группы было обусловлено степенью их подготовленности к учебе. Наиболее грамотные были включены в первую группу, подготовленные несколько хуже – во вторую и так далее по мере ухудшения качества знаний. В пользу правильности данного предположения свидетельствует то, что выпуски курсантов были запланированы на разные даты. Так, например, курсанты первой группы, успешно пройдя так называемый «подготовительный класс», уже в конце августа – начале сентября приступили к обучению по основной трехмесячной образовательной программе, и их выпуск был запланирован на 1 декабря 1921 г. В то время как курсанты четвертой и пятой групп 8 октября еще продолжали заниматься в «подготовительном классе», а их выпуск и вовсе допускался не ранее чем в конце января – начале февраля 1922 г.¹ Не стоит исключать и версию, в соответствии с которой после зачисления, завершившегося 25 июля, для обучения была оставлена лишь одна группа курсантов, а остальные слушатели ввиду бедственного положения курсов были направлены в отделы милиции по местам прохождения службы. Позднее указанные курсанты по вызову или в заранее назначенный срок должны были вернуться в г. Краснодар для продолжения учебы, когда предполагалось, что снабжение курсов всем необходимым будет налажено.

12 октября 1921 г. было принято решение об отстранении от должности С.Н. Павлова, и с 18 октября начальником курсов стал *Е. Нижельский*², полное имя и отчество которого в материалах архивов установить не удалось. Руководить он будет совсем недолго, поскольку 23 ноября 1921 г. в должность вступит пятый и на сей раз последний начальник курсов, чьи данные стали известны благодаря документам, сохранившимся в Государственном архиве Краснодарского края, – *Семен Фёдорович Маторин*³. Однако период его работы на посту начальника курсов и вся последующая история учебного заведения с конца осени 1921 г. практиче-

¹ ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Л. 162.

² Там же. Д. 6. Л. 45.

³ Там же. Д. 1. Л. 204, 211.

ски лишены какого-либо значимого отображения в архивных документах и научной литературе. Следует отметить, что частая смена руководства милицейских курсов (пять начальников за неполный год) является яркой иллюстрацией общей проблемной тенденции текучести кадров, свойственной советским органам внутренних дел на протяжении всех 20-х гг. прошлого века. Наряду с тяжелыми условиями несения службы, это явление было обусловлено как невысоким уровнем заработной платы и неудовлетворительным снабжением сотрудников милиции, так и периодическими сокращениями штатной численности и так называемыми чистками личного состава от разного рода вредоносных элементов. Так, например, в результате чистки рядового и командного состава, проводившейся в соответствии с приказом № 120/с Главного управления милиции НКВД РСФСР, за сентябрь – октябрь 1921 г. численность кубанской милиции сократилась почти на 2 900 человек¹, т. е. более чем на 30 %.

Последнее чрезвычайно важное событие, упоминание о котором содержится в архивных документах, датируется 2 ноября 1921 г. В одном из рапортов говорится, что Кубано-Черноморские милицейские курсы были подвержены реорганизации, выразившейся в «переформировании их штата в соответствии с приказом Главмилиции Республики № 314 лс»². К сожалению, установить точное содержание указанных мероприятий в настоящее время не представляется возможным. Однако в ряде работ других авторов, посвященных истории развития ведомственного образования, присутствуют сведения, позволяющие сделать определенные выводы по данному вопросу.

Скорее всего, это «переформирование» на первоначальном этапе вылилось в крупномасштабное сокращение штата. Так, в издании 1971 г. «В борьбе и тревоге...», посвященном истории кубанской милиции, отмечается, что «ввиду плохого материального положения трехмесячный курс обучения по программе Главмилиции РСФСР окончили всего 25 человек»³ из 100 зачисленных.

¹ Ратушняк В.Н., Ратушняк Т.В. Кубано-Черноморская областная милиция в начале 1920-х гг. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kubano-chernomorskaya-oblastnaya-militsiya-v-nachale-1920-h-gg> (дата обращения: 23.01.2018).

² ГАКК. Ф. Р1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 208.

³ В борьбе и тревоге... С. 30.

В последующем произошло изменение формата учебного заведения, имеется в виду существенное расширение программы, увеличение срока обучения, а возможно, и названия. В исследовании «Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование» М.А. Кожевина указывает, что «после приказа 1921 г. № 314 о переименовании губернских курсов в губернские школы в стране было создано 46 курсов и 23 милицейские школы»¹. «Губернские милицейские школы» предназначались «для подготовки лиц на должности младшего командного состава со сроком обучения 8 месяцев»². Вместе с тем в упоминавшейся выше книге «В борьбе и тревоге...» имеет место следующая информация: «С 1 мая 1922 года организуется третий созыв комкурсов, на которые принято 56 человек. Срок обучения был продлен до 8 месяцев»³. Таким образом, совершенно очевидно, что в двух разных источниках речь идет о равных по статусу учебных заведениях, относящихся к одной категории. К двум другим типам учебных заведений, действовавших в тот период, можно отнести 6–8-недельные курсы в резервах при губернских управлениях милиции, в которых осуществлялась первоначальная подготовка вновь прибывших на службу в органы внутренних дел, а также школы среднего командного состава для подготовки начальников милиции городского и губернского масштаба со сроком обучения 2 года⁴. Следовательно, краснодарское учебное заведение занимало в данной иерархии среднюю, вторую ступень, осуществляя подготовку командиров младшего звена. Благодаря увеличению срока обучения на пять месяцев произошло значительное расширение образовательного потенциала курсов и были созданы серьезные предпосылки для повышения качества знаний их выпускников.

К сожалению, на этом информация о первом кубанском милицейском образовательном учреждении практически исчерпана. Документальные сведения о ходе подготовки курсантов третьего набора, их выпуске и в целом о дальнейшей судьбе учебного заведения отсутствуют, точная дата прекращения функционирования также неизвестна. Однако в секретном докладе за декабрь 1922 г., содер-

¹ Кожевина М.А. Указ. соч. С. 99.

² Там же. С. 115–116.

³ В борьбе и тревоге... С. 30.

⁴ Кожевина М.А. Указ. соч. С. 115–116.

жавшем «краткую характеристику Комсостава» краснодарской милиции, присутствует следующая запись: «По Красотделу [Краснодарскому отделу] имеются 6 районов в каждом районе находится один Начальник, Помощник и делопроизводитель... б) Н-к 2-го района Шторкин, хотя и член РКП (б), но по работе очень слаб; помощник его тоже член РКП (б) Низовский (Курсант милиции) совсем по работе слаб и не справляется с своими обязанностями...»¹. Нелестная характеристика милиционера Низовского, упоминаемого как курсанта, вполне может служить в качестве источника для формирования определенных выводов и нескольких версий развития событий: во-первых, третий набор курсов все же функционировал положенный восьмимесячный срок, т. е. до декабря 1922 г.; во-вторых, курсанты, являвшиеся сотрудниками близлежащих отделов милиции, совмещали учебу с исполнением своих обязанностей по основному месту службы; в-третьих, курсы могли быть закрыты и раньше декабря, либо Низовский за неуспеваемость был с них отчислен, не проучившись весь срок, а в докладе обозначался курсантом как сотрудник, прошедший определенную специальную подготовку.

Можно и далее строить массу догадок, но с большой долей вероятности ввиду проблем с финансированием краснодарские курсы все же были расформированы не позднее конца 1922 г., а их третий набор оказался последним. Эти предположения далеко не беспочвенны. Состояние глубочайшего кризиса, которое в тот период переживала вся отечественная милицейская школьно-курсовая система, подробно описано в исследовании М.А. Кожевиной. Данный автор отмечает, что в ноябре 1922 г. все милицейские учебные заведения были переведены на местные бюджеты, из которых поступало не более 10 % необходимых средств, ввиду чего областные и губернские управления милиции производили сокращение своих штатов именно за счет курсов и школ. Таким образом, до конца не сформированная система, еще только находившаяся на этапе своего становления, подверглась серьезнейшим испытаниям. Региональные власти проявляли высокую заинтересованность в школах и курсах, готовивших милиционеров, однако они были не в состоянии в достаточном объеме финансировать данную сферу. В итоге за один только год (с сентября 1922 г.

¹ ГАКК. Ф. Р 104. Оп. 1. Д. 404. Л. 1.

по сентябрь 1923 г.) количество милицейских учебных заведений резко сократилось – сразу на 70 %. Эта негативная тенденция сохранялась и в последующие месяцы, и по состоянию на 1 апреля 1924 г. школы милиции продолжали функционировать лишь в пяти регионах страны. Оставшиеся учебные заведения существовали исключительно за счет энтузиазма и преданности делу их сотрудников¹.

Подводя итоги работы первых Кубано-Черноморских областных командных милицейских курсов, созданных в 1921 г., необходимо отметить, что по формальным признакам следует их рассматривать как профессиональное учебное заведение, образовательная деятельность которого не являлась самопроизвольной, а реализовывалась в соответствии с документами, регламентирующими учебный процесс (учебными программами и планами, расписанием занятий). Иными специальными нормативными документами курсов предусматривались правила приема, количество и сроки обучения курсантов и некоторые другие аспекты. К участию в учебном процессе привлекались лица, обладавшие опытом практической работы, необходимыми знаниями, а нередко и специальным образованием. По окончании курсов выпускнику вручалось свидетельство о пройденном обучении, способствовавшее успешному выстраиванию дальнейшей карьеры. Как указывает М.А. Кожевина, принципы, положенные в основу деятельности милицейских курсов, согласовывались с государственной политикой в области профессионального образования². Данное заключение в полной мере можно отнести и к учебному заведению, действовавшему в начале 1920-х гг. в Кубано-Черноморской области.

Несмотря на многочисленные трудности, кубанская столица не будет долго оставаться без специального милицейского учебного заведения. К концу 1924 г. в стране начнется возрождение системы школ и курсов милиции, а точнее сказать, следующий этап в ее развитии. И уже в декабре того же года в Краснодаре произойдет открытие новой так называемой «окружной школы милиции»³, речь о которой и ее преемниках, действовавших на Кубани с середины 1920-х до конца 1930-х гг., будет вестись в следующем разделе.

¹ Кожевина М.А. Указ. соч. С. 117–120.

² Там же. С. 76.

³ В борьбе и тревоге... С. 56.

3. Документальные «следы» организаций, осуществлявших профессиональную подготовку сотрудников милиции в г. Краснодаре в 1924–1939 гг. (по материалам региональных и ведомственных архивов)

Написание предыдущего обширного раздела, достаточно подробно описывающего историю и организационно-правовые основы деятельности Кубанско-Черноморских областных командных милиционных курсов, оказалось возможным во многом благодаря наличию в Государственном архиве Краснодарского края специального фонда, содержащего широкий спектр различных документов в основном удовлетворительной сохранности, относящихся к работе указанного учреждения и хронологически охватывающих период преимущественно с января по ноябрь 1921 г. (документы о втором годе работы курсов (1922) отложились в архиве в гораздо меньшем объеме). Таким образом, нам удалось сформировать определенное представление об особенностях организации и функционирования первого в истории Кубани милицейского учебного заведения.

Продолжение исследования истории развития милицейской школьно-курсовой системы кубанского региона последующих полутора десятилетий вызвало многочисленные трудности, обусловленные отсутствием обобщенных и систематизированных архивных данных по изучаемой проблематике. В связи с этим для получения исторически значимых сведений авторы существенно расширили область поиска, дополнительно обратившись к обширным фондам других архивных учреждений г. Краснодара, в том числе и ведомственных, а именно:

Центра документации Новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК);

Отдела специальных фондов информационного центра ГУ МВД России по Краснодарскому краю (ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по КК).

Однако в результате долгой и кропотливой работы в вышеупомянутых архивах удалось установить лишь некоторые документы, указывающие на то, что после 1924 г. некие милицейские курсы (школы) в г. Краснодаре действительно существовали, но они не позволяли сформировать более или менее цельную карти-

ну об их истории и особенностях деятельности, как это было в случае с Кубанско-Черноморскими областными командными милиционными курсами (1921–1922 гг.). Именно поэтому данная глава получила такое наименование.

Одним из факторов, в значительной степени осложнившим поиск необходимой информации, оказались административно-территориальные преобразования, проводившиеся на Юге РСФСР в 1920–1930-е гг. Как известно, в 1924 г. Кубано-Черноморская область прекратила свое существование, а вся ее территория, разделенная на 4 округа (Армавирский, Кубанский, Майкопский, Черноморский) и Адыгейскую автономную область, вошла сначала в состав Юго-Восточной области, а в октябре того же года в состав вновь образованного Северо-Кавказского края, административным центром которого стал город Ростов-на-Дону. Поэтому неудивительно, что в кубанских архивных учреждениях практически отсутствуют материалы о деятельности местной милиции после 1924 г.

В связи с этим для продолжения изысканий пришлось обратиться в архивные организации Ростова-на-Дону:

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Отдел специальных фондов информационного центра ГУ МВД России по Ростовской области (ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по РО).

Благодаря работе в ростовских архивах удалось обнаружить ряд любопытных документов, отчасти проливающих свет на состояние школьно-курсовой работы в Северо-Кавказском крае в целом и Кубанском округе в частности. Следуя по хронологии событий, опишем и проанализируем полученные данные.

Так, в пространном докладе начальника Северо-Кавказского краевого административного управления Евдокимова «О состоянии милиции Северо-Кавказского края на 1-е Июля 1925 г.» был выделен отдельный раздел «Вопросы обучения», в котором была дана подробная оценка положению дел по данному направлению. Вступительная часть раздела была посвящена основным проблемным аспектам по вопросам профессиональной подготовки кадров. В частности, в документе упоминалось следующее: «Обучению, инструктированию, а также политической и профессиональной обработке личного состава Милиции Северо-Кавказского Края, со стороны Краевого Административного

Управления, уделено в текущем году самое серьезное внимание. По всем связанным с учебой и политвоспитанием вопросам на места даны исчерпывающие указания и разъяснения, проработаны и преподаны учебные планы и программы занятий с Командным составом и милиционерами и т. д. При Инспекторских обследованиях Краевыми Инспекторами Милиции делалось все возможное к сосредоточению внимания местных Административных Начальников на вопросах учебы и политвоспитания, давались соответствующие разъяснения, исправлялись ошибки и недочеты. Несмотря на все эти мероприятия, подготовка младшего милиционера, а зачастую и командного состава Милиции Края, находится не на высоте своего положения. Отсутствие знаний законов, инструкций и правил службы не только у рядового, но и ответственного работника Милиции, сказывается на каждом шагу его работы. Неосведомленность личного состава Милиции и его правовая неграмотность вызывает много ошибок и нарушений Советского законодательства и ведет к подрыву авторитета Милиции в глазах трудящихся города и деревни, отражаясь самым отрицательным образом на успешности работы. Попутно с правовой неграмотностью работников Милиции отмечается чрезвычайно слабая политическая и профессиональная обработка последних. Благодаря отсутствию политического воспитания милиционер, а зачастую и ответственные работники Милиции не уясняют и грубо нарушают принципы классового подхода в своей работе, превращаясь из представителя революционной власти и общественного работника в государственного чиновника. В результате неавторитетность и отрыв милицейского работника от трудового населения города и деревни»¹.

Для преодоления перечисленных негативных явлений «с целью поднятия квалификации старших милиционеров в сельских местностях и младших милиционеров в городах» Краевое административное управление (КАУ) приняло решение организовать осенью 1925 г. «при ныне существующей 3-й Новочеркасской Школе Среднего Комсостава Милиции, Краевых курсов Младшего состава Милиции /участковых надзирателей и ст. сельских ми-

¹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 560. Л. 42–43.

лиционеров/ с одногодичным курсом обучения и с количеством слушателей в 150–200 человек»¹. На эти нужды из местного бюджета предполагалось выделить кредит в размере до 110 000 рублей.

Упомянутая Новочеркасская школа милиции являлась одним из старейших учебных заведений в системе НКВД (МВД) РСФСР (СССР), она была организована летом 1923 г. и просуществовала вплоть до 1991 г., затем реформирована в Суворовское военное училище МВД России, действующее и в настоящее время. 1-я и 2-я школы по подготовке среднего командного состава милиции были созданы немногим ранее в Петрограде (Ленинграде) и Омске соответственно. Новочеркасская школа милиции содержалась за счет средств государственного бюджета, что являлось залогом ее относительного материально-технического благополучия и позволило просуществовать почти семьдесят лет. По состоянию на лето 1925 г. в ней обучалось 160 человек переменного состава, срок обучения составлял 2 года. В августе планировался первый выпуск школы. С нового 1925/1926 учебного года согласно приказу «ЦАУ [Центральное административное управление НКВД РСФСР] за № 25/с 3-я Новочеркасская школа» должна была обслуживать исключительно Северо-Кавказский край.

Выпускников надлежало распределить по «Административным Отделам Северо-Кавказского Края применительно к имеющейся на местах потребности в командном составе». В КАУ поступили заявки на завершающих обучение курсантов «из 15-ти Округов и Областей Края, причем наибольшее количество курсантов испрашивается *Черноморским, Сальским, Армавирским и Кубанским Округами*»².

В докладе также была приведена представляющая определенный интерес характеристика переменного состава школы: «По социальному положению личный состав разбивается: рабочих – 18 %, крестьян – 82 %; по партийной принадлежности: членов и кандидатов в РКП(б) и ВЛКСМ – 68 %, беспартийных – 32 %. Укомплектование школы было проведено по разверстке НКВД и Краевого Комитета РКП(б), причем места в школе распределены

¹ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 560. Л. 43.

² Там же. Л. 44.

примерно по следующей схеме: для русских округов на старшем курсе – 75 %, на младшем курсе – 60 %; для автономных областей на старшем курсе – 25 %, на младшем курсе – 40 %»¹. Таким образом, налицо тенденция некоторого перераспределения мест в пользу национальных районов края.

В заключении фрагмента доклада, посвященного деятельности 3-й Новочеркасской школы милиции, присутствовала весьма обнадеживающая оценка: «Учеба в школе, по имеющимся в Крайадмуправлении отчетным материалам, протекает достаточно успешно»².

Однако для нашего исследования куда больший интерес представляет то, как было организовано обучение младшего состава милиции в окружных школах и школах-резервах на территории Северо-Кавказского края. И об этом в докладе представлена следующая информация: «...такие школы находятся в Донском, Кубанском, Армавирском [т. е. в городах Краснодаре и Армавире] и Терском Округах». Далее излагаются серьезные критические замечания: «Школы по построению учебных планов и срокам обучения не отвечают положению об Окружных школах НКВД. Учебная часть школ за отсутствием средства на оплату преподавательского персонала и недостатка в учебных пособиях поставлена неудовлетворительно. Переменный состав школ /курсанты/, ввиду малочисленности штатов милиции, постоянно отвлекается от занятий на оперативную работу и строевую службу. Внешкольные занятия с командным составом и милиционерами в Округах и особенно в Автономных Областях, ввиду перегруженности милиции, отсутствия руководств и учебников, ведутся нерегулярно, без плана и системы обучения»³. Именно поэтому в связи с неудовлетворительными показателями деятельности и отсутствием стабильного финансирования Северо-Кавказским краевым административным управлением после организации общекраевых курсов для младшего состава милиции при Новочеркасской школе, запланированной на осень 1925 г., предполагалось упразднить «все существующие ныне на местах Окружные школы Милиции и Школы-резервы, как не достигающие своего назначения». Как

¹ ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 560. Л. 44.

² Там же.

³ Там же. Л. 45.

уже было упомянуто в предыдущем разделе, в Краснодаре 15 декабря 1924 г. была образована «окружная школа милиции»¹. Таким образом, над подразделением, созданным всего несколько месяцев тому назад, нависла реальная угроза ликвидации.

Однако здесь же был отмечен и один весьма положительный момент: «Лучше других дело поставлено в Донецком, Кубанском и Грозненском Округах»², – говорилось в докладе, что обнадеживало и давало основание полагать, что Кубанская окружная школа вполне могла избежать расформирования. И действительно, в ЦДНИКК был обнаружен подтверждающий эту гипотезу документ – «Протокол общего собрания членов ячейки РКП (б) при Гормилиции от 23 декабря 1925 г. № 25», из которого следовало, что некто *Иван Перков*, являющийся начальником *школы-резерва милиции*, принимается в кандидаты на вступление в РКП (б)³. Следовательно, краснодарская школа не была ликвидирована осенью 1925 г., а продолжила свою работу. Указанный протокол партсобрания оказался ценным и тем, что помог установить фамилию, имя и партийный статус сотрудника милиции, возглавлявшего в то время школу. Правда, здесь она именовалась не окружной школой, а школой-резервом. Подобные неточности имели широкое распространение в документах разных ведомств, например в милицейской переписке какое-либо подразделение обозначалось специальным наименованием или аббревиатурой, тогда как в партийной документации название того же самого органа могло быть несколько искажено. В этом мы еще не раз убедимся.

В указанном архиве также был установлен ряд любопытных документов, относящихся к более раннему периоду 1925 г., благодаря одному из которых стало известно о предшественнике Перкова на посту начальника школы. Так, в ходе заседания «Бюро Комьячейки [коммунистической ячейки] Красгормилиции» 25 февраля 1925 г. рассматривалось заявление «члена РКП (б) кур-

¹ В борьбе и тревоге... С. 223; Зайцев В.П., Туков В.В. 85 лет на страже порядка. Основные вехи и памятные события в истории органов внутренних дел России и Кубани (1917–2002 гг.): хронологический справочник. Краснодар: Эдви, 2003. С. 31.

² ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1 Д. 560. Л. 45.

³ Центр документации Новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 2286. Оп. 1. Д. 3. Л. 132.

санта тов. Шибаета о дерзостях, проявленных Заведующим Милицейской Школой товарищем *Фефеловым* в отношении курсантов». Собрание приняло решение «срочно произвести дознание»¹. К сожалению, суть претензий, адресованных Фефелову, в протоколе раскрыта не была. При проверке было установлено, что «улики обвинения, изложенные в заявлении т. Шибаета, не подтвердились». Постановили: «считать заявление склокой, за то т. Шибаету поставить на вид» о недопустимости повторения подобного впредь².

9 июня 1925 г. на заседании «Бюро Комьячейки» краснодарской городской милиции рассматривался запрос местного административного отдела НКВД «о командировании в школу младшего комсостава партийцев в числе 8 человек». Собрание постановило «провести запись желающих»³. В протоколе не было указано, шла ли речь о местной школе либо о курсах младшего начсостава, которые должны были начать функционировать осенью 1925 г. при Новочеркасской школе милиции.

Таким образом, установлено, что, по крайней мере, в 1924–1925 гг. в г. Краснодаре действительно функционировало милицеекое учебное заведение, упоминавшееся в разных источниках под четырьмя различными наименованиями (окружная школа, школа-резерв, милицеекая школа, школа младшего комсостава).

Подводя промежуточный итог, необходимо отметить, что центр тяжести ведомственного образования в южной части РСФСР на несколько последующих десятилетий переместился в ростовский регион, ядром которого оказалась Новочеркасская школа милиции, на долгие годы ставшая флагманом в области обучения и профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, на учебу в которую направлялись милиционеры со всего Северного Кавказа и Юга России. В соседних регионах РСФСР учебные заведения подобного уровня начнут создаваться лишь с конца 1960-х гг., а до этого времени они будут вынуждены довольствоваться всякого рода курсами, школами-резервами, учебными пунктами, зачастую носившими временный характер, которые периодически создавали и ликвидировали по мере необ-

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

² Там же. Л. 24.

³ Там же. Л. 43.

ходимости либо ввиду неудовлетворительной материально-технической обеспеченности и отсутствия необходимых объемов государственного и местного финансирования.

До какого года проработала Краснодарская окружная школа милиции, установить не удалось. Возможно последнее упоминание о ней датируется 10 апреля 1928 г., когда на заседании «партия [партийного ядра] 3-го отделения милиции» г. Краснодара рассматривалось заявление «т. Адамовича», ходатайствовавшего о выдвижении собственной кандидатуры на должность старшего милиционера. Члены собрания посчитали Адамовича, «как окончившего милицейскую школу младшего комсостава, вполне подготовленным к занятию должности»¹. К сожалению, в документе отсутствует упоминание о времени и месте окончания школы. С уверенностью можно утверждать, что речь шла не о 3-й Новочеркасской школе НКВД РСФСР, поскольку она, как известно, специализировалась на подготовке руководителей не младшего, а среднего звена, поэтому, на наш взгляд, Адамович, скорее всего, являлся выпускником именно местного учебного заведения.

Вместе с тем в уже упоминавшемся выше издании «В борьбе и тревоге...» значится следующее: «Окружная школа милиции в марте 1925 г. дала первый ускоренный выпуск 34 курсантов. Окончивших школу в основном направляли на самостоятельную работу в станицы на должности старших сельских милиционеров. За три года работы школа милиции подготовила 189 человек»². В настоящее время обнаружить в архивах документальные подтверждения приведенных сведений крайне затруднительно. Остается надеяться, что авторы, создавая полвека назад (первое издание вышло в 1969 г., затем было переиздано в 1971 г.) указанную книгу, опирались на достоверные источники, чему должна была способствовать относительная близость, по историческим меркам, к описываемой эпохе: на тот момент прошло менее 50 лет. А учитывая, что она готовилась действующими сотрудниками и ветеранами ГУВД Краснодарского края, можно с уверенностью предположить, что они обладали доступом к имевшейся на тот момент архивной базе.

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 4 Л. 77.

² В борьбе и тревоге... С. 56.

В государственном архиве Ростовской области был обнаружен документ, свидетельствующий о том, что в 1929 г. в Краснодаре уже не действовала окружная школа милиции, поскольку на 1 сентября того года было запланировано открытие учебного заведения нового типа, специализировавшегося на переподготовке. Эта информация нашла отражение в докладе административного управления НКВД РСФСР Северо-Кавказского исполнительного комитета от 22 февраля 1930 г. «О состоянии Милиции и Уголовного Розыска и мероприятиях, направленных на улучшение их деятельности»¹. В частности, в докладе отмечалось, что «профессиональная подготовка личного состава Органов Милиции и Уголовного Розыска, хотя и имеет по сравнению с прошлым некоторый сдвиг, но далеко еще недостаточный. Намеченные к открытию, на основании постановления Крайисполкома от 10 августа 1929 г. <...> с 1 сентября 1929 г. *межокружные 3-х месячные курсы по переподготовке младшего начсостава Милиции* (курсив наш. – Авт.) при 10-ти Окружных, Областных [т. е. в национальных автономных областях Северо-Кавказского края] Адмотделах открыты с значительным опозданием (*Кубань*, Чечня с 1 января 1930 г.) из-за неотпуска подлежащими Окр. и Обл. Исполкомами средств на эту надобность. По той-же причине Адмотделы недополнили разверстки мест на данных курсах»².

Далее без упоминания локализации констатировалось, что «еще хуже положение с *краткосрочными одномесечными курсами по подготовке вновь поступающих в органы Милиции* (курсив наш. – Авт.), каковых по всему Краю насчитывается не более 3–4».

Кроме того, был обозначен еще один существенный негативный фактор, выразившийся в том, что «курсанты не выслуживают своего обязательного срока службы за обучение, согласно существующему положению о школах»³. В связи с этим Положение о школах НКВД РСФСР, утвержденное 19 августа 1930 г., закрепляло, что отныне учеба входит в стаж работы в ОВД, а один год обучения приравнивается к двум годам милицейской службы. Введение данной льготы преследовало цель повысить

¹ ГАРО. Р-1485. Оп. 8. Д. 187. Л. 326.

² Там же. Л. 326 об.

³ Там же. Л. 327.

престиж милицейских школ, их курсантов и выпускников. Вместе с тем увеличивался срок обязательной службы в органах внутренних дел по окончании школы, выпускник был обязан отработать на одном месте не менее трех лет¹.

На основании изложенного составители доклада пришли к закономерному выводу о том, что «проблема пополнения кадров Органов Милиции и Уголовного Розыска достаточно подготовленными и политически развитыми работниками не только остается неразрешенной, но, наоборот, благодаря такому положению ещё больше усугубляется»².

В качестве мер, призванных переломить ситуацию в крае, было решено «усилить темп работы по подготовке и переподготовке работников органов милиции и Уголовного Розыска, идя по пути расширения сети ныне существующих трехмесячных курсов по переподготовке мл. начсостава, одномесечных курсов для подготовки вновь поступающих, а также и увеличения числа мест в Школах НКВД административно-милицейских работников мл. и ср. начсостава и на курсах усовершенствования Старшего начсостава... ни в коем случае не допускать переброски на другую работу, в особенности лиц, окончивших как школы НКВД, так равно и местные курсы по переподготовке»³.

Данные предложения в целом были поддержаны региональным руководством в лице первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) А.А. Андреева и были отражены в постановлении президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета от 18 апреля 1930 г.⁴

По инициативе А.А. Андреева президиум постановил «для изжития имеющихся основных дефектов в работе органов милиции и уголовного розыска и постановки их деятельности на должную высоту провести в первую очередь следующие мероприятия:

¹ Кожевина М.А. Указ. соч. С. 198.

² ГАРО. Р-1485. Оп. 8. Д. 187. Л. 327.

³ Там же. Л. 329–330.

⁴ Там же. Д. 634. Л. 103.

«7. <...> а) расширить сеть существующих в данный момент при окр. и обл. адмотделах трехмесячных курсов по переподготовке мл. начсостава милиции и одномесячных по подготовке вновь поступающих в органы милиции, организовав таковые при всех окр и обл. адмотделах;

б) предложить окр. и обл. исполкомам отпустить средства, необходимые для организации данных курсов и нормального их функционирования, а также и средства, потребные для посылки курсантов...

в) просить НКВД об увеличении количества мест в 3-й школе НКВД, с доведением до 300 человек переменного состава, а также об увеличении количества вакансий для Сев.-Кав. края на объединенных курсах по переподготовке старшего начсостава [функционировали в г. Москве с 1929 г.].

8. <...> совершенно изжить имеющие место случаи снятия квалифицированных работников адморганов, в особенности... бывших курсантов для переброски их на работу в другие органы»¹.

Как видно из содержания пункта «а», трехмесячные курсы для переподготовки младшего начальствующего состава милиции и одномесячные курсы для подготовки вновь принимаемых на службу милиционеров было решено создать абсолютно во всех округах и автономных областях Северо-Кавказского края. В какой степени данное положение было реализовано в г. Краснодаре, помогли разобраться, правда, весьма фрагментарно, архивные документы ЦДНИКК. Трехмесячные курсы, к слову, уже существовали, как указывалось выше, с 1 января 1930 г. Но в те годы внутренняя обстановка в отечественных правоохранительных органах изменялась стремительно. Например, в декабре 1930 г. был ликвидирован НКВД РСФСР и вместе с этим серьезной чистке и «перетруске» подверглись все центральные и местные органы милиции, которые фактически перешли под контроль органов государственной безопасности в лице ОГПУ СССР.

Так, в «акте обследования Бюро Партколлектива Управления Милиции за первое полугодие 1931 года» было впервые

¹ ГАРО. Р-1485. Оп. 8. Д. 634. Л. 104.

обнаружено упоминание уже о *Межрайонных курсах милиции*¹, без какой-либо конкретизации их деятельности.

Гораздо более ценный и интересный по содержанию с исторической точки зрения документ был датирован 23 сентября 1931 г. В тот день снова состоялось заседание указанного партийного коллектива краснодарской городской милиции, на котором заслушивался вопрос «о ходе работы межрайонных курсов по подготовке младших милиционеров»². В качестве докладчика выступил предполагаемый руководитель курсов. В разных документах неоднократно встречаются два варианта написания его фамилии – *Дирунов* и *Дерунов*. В протоколе собрания отсутствовало содержание его доклада, зато была подробно изложена резолютивная часть по предмету рассматриваемого вопроса. Партактив постановил:

«1. Отметить, что отдел кадров Краевого управления милиции выделил начальником курсов т. *Пейхвассера* без согласования вопроса с местным управлением милиции». Так становится известной фамилия еще одного руководителя краснодарских милицейских курсов, возможно и не успевшего приступить к исполнению своих обязанностей. Несогласованная кандидатура его была воспринята в штыки и вызвала резкое неприятие со стороны местного милицейского руководства. Об этом свидетельствует следующий критический пункт постановления:

«2. Констатировать, что в результате такого положения подготовительная работа к началу занятий была проделана недостаточно (не подготовлено помещение, не организован вопрос о питании, не подобран штат преподавателей.

3. Признать ненормальным, что многие районы не выполнили развёрстки, преподанной Краем.

4. Считать недопустимым, что многие курсанты прибыли для прохождения курсов без обмундирования и обуви, следствием чего появились заболевания среди курсантов.

5. Принять к сведению заявление т. Дерунова, что в составе курсантов имеется 2 члена партии, 16 кандидатов и 4 комсомольца»³.

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 5 Л. 7.

² Там же. Д. 6 Л. 21.

³ Там же.

Далее излагались конкретные предложения, которые должны были способствовать «изжитию указанных недочётов и созданию нормальных условий для учёбы». Приведем наиболее важные из них:

«<...> г) предложить т. Дерунову в декадный [десятидневный] срок реализовать решение Президиума Горсовета в части передачи помещения для курсов;

д) признавая совершенно недопустимым проводить учёбу без обмундирования и обуви, предложить в декадный срок Дерунову добиться перед Краем отпуска необходимого количества комплектов обмундирования и сапог за счёт тех районов, которые командировали курсантов без обмундирования и обуви;

е) для разрешения указанных вопросов разрешить т. Дерунову выезд в Край [т. е. в краевое управление милиции, в г. Ростов-на-Дону];

ж) поручить т. Дерунову поставить вопрос перед Краем о доукомплектовании курсов [переменным составом] согласно указаний Края;

з) предложить Дерунову в декадный срок подобрать преподавательский состав;

и) обязать т. Дерунова о реализации данного решения доложить на заседании бюро партколлектива не позже 10 октября 1931 г.»¹.

Данный документ отчетливо продемонстрировал весь спектр серьезных проблем, стоявших перед организаторами курсов: отсутствие помещения, недостаток обмундирования, комплект переменного состава и острая нехватка преподавательских кадров. Все, как и 10 лет тому назад, в 1921 г. при формировании первых Кубанско-Черноморских милиционных курсов. Очень похоже, что нынешние межрайонные курсы создавались в 1931 г. вновь, что называется, на пустом месте, а век курсов, организованных в Краснодаре с 1 января 1930 г., оказался очень непродолжительным.

Возникает вопрос: почему «межрайонные»? В дело снова вмешались административно-территориальные преобразования Северо-Кавказского края. Еще 15 августа 1930 г. в составе края

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

были ликвидированы все округа, а районы, в них входившие, стали напрямую подчиняться краевой столице, т. е. Ростову-на-Дону. Отсюда и новая приставка в названии курсов. Достоверно установить районы края, из которых на обучение в Краснодар направлялись милиционеры, сейчас крайне затруднительно. Скорее всего, география курсов не ограничивалась районами бывшего Кубанского округа, а могла быть несколько шире. И снова, к сожалению, мы лишены возможности произвести документально подкрепленное заключение о точных сроках обучения на указанных курсах (к тому же в начале 1930-х гг. они были весьма подвижны и очень часто корректировались то в большую, то в меньшую сторону), зато была установлена специализация – подготовка младшего начальствующего состава милиции. В связи с этим вновь полезным представляется исследование М.А. Кожевиной, в котором упоминается, что в 1931 г. согласно циркулярным указаниям ГУРКМ при СНК РСФСР в целях ускорения подготовки рядового и младшего начальствующего состава милиции срок обучения в школах и на курсах, специализировавшихся на профессиональной подготовке данной категории милиционеров, сокращался до двух месяцев. Подобные школы и курсы необходимо было сформировать во всех регионах страны до августа 1931 г¹.

Как видим, активная работа в данном направлении проводилась и на Кубани, хотя и с некоторым отставанием от сроков, намеченных центром. Уже 2 октября на заседании бюро партколлектива Управления милиции г. Краснодара вновь заслушивался Дерунов по вопросу «о школе резерва милиции». В результате докладчику было предписано «в 10-дневный срок сделать программу занятий для школы... и провести подготовительную работу по школе и по учёту преподавателей»². Из изложенного следует, что и в 1930-х гг., как и ранее, делопроизводство кубанской милиции не отличалось особой аккуратностью и в документах продолжала иметь место путаница с наименованиями учебного подразделения. На смену «межрайонным курсам» внезапно вернулась «школа-резерв».

¹ Кожевина М.А. Указ. соч. С. 215.

² ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.

На протяжении сентября – октября 1931 г. статус Дерунова нигде не упоминался, тогда как 29 ноября 1931 г. на очередном собрании бюро партколлектива он предстал уже в должности начальника школы-резерва с традиционным для себя докладом «о ходе подготовки к набору нового состава *курсов школы-резерва*». Дерунов отчитался, что «помещение почти готово, осталось забелить печи и вычистить подвал. Организован кабинет. В части преподавательского состава нужно просить управление милиции о прикреплении тт. Дикаленко и Комиссаренко, т.к. вместо них найти в городе негде. Преподавателя по украинской литературе также ещё нет.

Обмундирование на курсах имеется: 10 пар сапог, 30 пар гимнастёрок и шаровар. Постельная принадлежность: не достаёт 12 коек до 60-ти, ощущается недостаток одеял – не хватает 25, матрацев совершенно нет, простыней не хватает 165 штук.

Дров имеется 5 кубометров. На днях получаем ещё 30 кубометров.

При курсах организуется столовая-кухня, кухонная посуда приобретена. Стройматериал весь имеется.

Комсоставом обеспечен, за исключением помощника по политчасти тов. Колесникова, который слаб и мною поставлен вопрос перед Краем о высылке вместо него другого, т.к. для помощника по политчасти требуется чтобы он умел преподавать на Украинском языке»¹.

Таким образом, Деруновым за два месяца была проделана серьезная работа по подготовке материальной базы курсов. Главное, что удалось подобрать и отремонтировать помещение и так называемый кабинет, под которым, скорее всего, подразумевалось место проведения аудиторных занятий. Оборудована кухня-столовая, заготовлены дрова на зимний период. Укомплектован командирский состав курсов, за исключением помощника по политической части. Основным критерием профессиональной пригодности последнего Дерунов выделил способность вести работу на украинском языке, что не должно вызывать удивления, а, напротив, представляется закономерным явлением для г. Краснодара и в целом для Кубани той поры. Согласно Всесоюзной пере-

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 5 л. 1.

писи населения 1926 г., 61,5 % жителей Кубанского округа составляли украинцы. Это был рекордный для всего Советского Союза (разумеется, за пределами УССР) показатель по количеству представителей украинской национальности. 49 % населения округа, т. е. без малого половина, указывали украинский язык в качестве родного¹. А в сельской местности эти показатели были еще выше: 69 % украинцев и 57,5 %, считавших украинский язык родным². Не будем забывать, что первоначальная колонизация правобережья Кубани в конце XVIII в. осуществлялась казаками-черноморцами, выходцами из уничтоженной Екатериной II Запорожской Сечи, и дальнейшее заселение данной местности в XIX в. происходило в основном за счет переселенцев из малороссийских губерний империи. Поэтому стремление Дерунова заполучить украиноговорящего помощника следует воспринимать не как прихоть, а как объективно обоснованную потребность.

Вместе с тем неразрешенными оставались крайне важные вопросы: не до конца был сформирован педагогический состав, полностью не удовлетворены потребности в обмундировании, мебели и спальных принадлежностях для переменного состава. Благодаря указанию Дерунова на недостаточное количество коек, мы узнаем, что в школе должны были проходить обучение 60 курсантов.

Далее с критическими замечаниями в адрес Дерунова выступили члены бюро партколлектива. Первым слово взял А.А. Фридрихов, занимавший в 1930-х гг. должность помощника начальника УРКМ [Управления рабоче-крестьянской милиции], посетовавший на то, что преподавателей «в городе найти не так легко», и поэтому порекомендовавший Дерунову при подборе преподавательского состава обратить внимание на сотрудников местного управления милиции, прошедших специальную подготовку и имевших большой практический опыт: «...у нас есть лица, окончившие 2-х годичную школу в Новочеркасске, есть лица служат по 10 лет в органах милиции». Фридрихов также указал, что «прошлый состав курсов занимался без программ»³. Следова-

¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. С. V.

² Там же. С. 74.

³ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

тельно, Дерунов так и не выполнил поручение бюро от 2 октября 1931 г., своевременно не разработав по неизвестным причинам необходимую программную документацию.

«Т. Яровенко» указал, что «организация столовой и кухни при школе по хоз. соображениям нецелесообразна», а нужно в первую очередь «заняться подготовкой кадров»¹. «Т. Каверин» обратил внимание на возможную нехватку помещений для размещения всех курсантов в нормальных условиях в зимний период и потребовал «ставить вопрос о добавлении квартир»².

На основании изложенного бюро партколлектива постановило:

«1. Отметить, что т. Дирунов, как начальник школы резерва не проявил достаточной энергии в части получения в Крайуправлении милиции оборудования для школы.

2. Признать совершенно нецелесообразным организацию столовой-кухни при школе в связи с имеющейся столовой при Горуправлении милиции...

3. Предложить т. Дирунову принять срочные меры к приёму и обеспечению курсантов постельными принадлежностями, кроватями, учебными пособиями и отоплением помещения. Т. Фридрихову... помочь... по проведению указанных мероприятий.

4. ...выделить преподавательский состав из числа состава Управления милиции лиц, вполне соответствующих школьной милицейской работе по преподаваемой Краем программе.

5. ...уделить более внимания по обеспечению обедами курсантов»³.

Кроме того, «для усиления партийного влияния на беспартийных курсантов на должность комвзвода» школы резерва был определен Попов⁴, который первоначально, «узнав о меньшей ставке зарплаты... искал пути ухода» от этого назначения, за что был наказан выговором по партийной линии⁵. Таким образом, работа на милицейских курсах не обладала высокой престижно-

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 6 Л. 21.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 2.

стью, во всяком случае на должностях командного состава, и «отпугивала» кандидатов невысокими окладами.

Вышеописанные документы о деятельности краснодарских курсов (школы), а вернее сказать, о контроле парторганизации местного управления милиции за их формированием и материально-техническим обеспечением, оказались последними из более или менее подробных, относящихся к периоду конца 20-х – начала 30-х гг. прошлого века. Некоторые последующие годы будут представлены лишь краткими упоминаниями, позволяющими говорить о том, что какая-то активность в данном направлении в г. Краснодаре все-таки имела место.

Так, например, одной из форм повышения профессионального уровня сотрудников органов внутренних дел являлись так называемые летние лагерные сборы продолжительностью один месяц. С середины 1930-х гг. подобные мероприятия по указанию ГУРКМ НКВД СССР стали проводиться повсеместно практически во всех краевых, областных, республиканских подразделениях милиции, а особенно в тех регионах, где постоянно действовали школы и курсы милиции. С помощью подобных сборов удавалось частично решать вопрос о переподготовке милицеевских кадров¹. В Краснодаре аналогичное мероприятие под формулировкой «сборы запаса милиции» было проведено еще в июне 1932 г.²

Несомненно, интерес представляет и «Список партактива Кубанского Оперативного Сектора РК [рабоче-крестьянской] Милиции» по состоянию на 1933 г., в котором значились:

«*Брамм Казимир Юльевич* – Начальник курсов РКМ...» (значит курсы продолжили действовать и получили нового руководителя);

«*Курилов Дмитрий Николаевич* – Помощник по политчасти Начальника курсов РКМ»;

«*Попов Николай Григорьевич* – Командир взвода»³.

Скорее всего, это тот самый Попов, который еще в сентябре 1931 г. избегал службы на курсах, а к 1933 г. оказался старожилем учебного заведения. Более того, он стал «секретарём ячейки

¹ Кожевина М.А. Указ. соч. С. 228–229.

² ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 6 Л. 9.

³ Там же. Д. 8 Л. 30.

[партийной] Межрайонных Курсов Милиции». Любопытно, что для наименования организации вновь применялась формула, использовавшаяся в период ее создания в 1931 г. 8 сентября 1933 г. Попов, выступая на очередном заседании бюро партколлектива Краснодарского управления милиции, торжественно отrapортовал, что «политико-моральное состояние организации в основном здоровое... Политико-военная работа идёт по программе, и работает вечерний кружок Марксистско-Ленинского воспитания. Вся работа проходит под углом социалистического соревнования и ударничества»¹.

В настоящем разделе уже упоминалось о том, что милиционеры Кубани направлялись на учебу в Новочеркасскую школу милиции. В отделе специальных фондов информационного центра ГУ МВД России по Ростовской области было обнаружено дополнительное тому подтверждение в виде приказа начальника Управления НКВД СССР по Азово-Черноморскому краю (был образован в январе 1934 г. в результате отделения от Северо-Кавказского края), комиссара госбезопасности 3-го ранга Рудя П.Г. от 30 апреля 1936 г. № 594 «О создании учебного резерва в органах и частях РКМ АЧК» [Азово-Черноморского края]. Согласно приказу для формирования переменного состава школы для набора 1936 г. в органах милиции края создавался так называемый учебный резерв. К приказу прилагался список подразделений, за счет которых предполагалась укомплектовать школу курсантами, утвержденный начальником Управления «РКМ АЧК» Ю.А. Новомком. Краснодарский «Горотдел милиции» должен был направить на обучение 9 сотрудников, Армавирский – 6, Новороссийский – 9, Ейское РОМ [районное отделение милиции] – 2, Майкопское – 3, Кропоткинское – 1, Тихорецкое – 1².

В 1920–1930-е гг. Новочеркасская школа милиции, безусловно, являлась ведущим учебным подразделением, готовившим средний начальствующий состав для кубанской милиции, но далеко не единственным. Имеются сведения, говорящие о том, что уже не позднее 1938 г. краснодарские милиционеры стали направляться на обучение в наиболее авторитетные учебные за-

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

² Отдел специальных фондов информационного центра ГУ МВД России по Ростовской области (ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по РО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 84. Т. 3. Л. 77–78.

ведения в системе НКВД СССР – Московскую и Ленинградскую школы милиции¹. В начале 1940-х гг. указанные школы были преобразованы в Центральную (Московскую) школу милиции и Ленинградскую школу политработников милиции, а практика отправки в них на учебу кубанских милиционеров продолжилась².

Возвращаясь к краснодарским межрайонным курсам милиции, вынуждены признать, что момент прекращения их работы определить не удалось. После осени 1933 г. документальные следы их деятельности обнаружены не были. Остается лишь поделиться предположениями на этот счет. Согласно первой версии курсы могли быть расформированы уже в 1934 г. в связи с тем, что г. Краснодар оказался в составе нового субъекта РСФСР – Азово-Черноморского края, появившегося на карте в результате деления Северо-Кавказского края. Данные преобразования могли отразиться на финансировании курсов, что, в свою очередь, могло повлечь их расформирование. Не стоит игнорировать и то обстоятельство, что летом 1934 г. правоохранительная система государства пережила масштабное преобразование, выразившееся в возрождении Народного комиссариата внутренних дел, который отныне стал всесоюзной структурой. Не исключено, что вслед за этим могли последовать соответствующие руководящие указания, в том числе затрагивавшие и школы и курсы милиции в регионах. Разобраться с данным вопросом, возможно, помогут столичные архивы, поскольку потенциал кубанских архивов по данному направлению в настоящий момент представляется исчерпанным.

Вторая версия тоже связана с административно-территориальными реформами, но отодвигает предполагаемый момент ликвидации курсов на три года, до 1937 г., когда г. Краснодар спустя 13 лет, наконец, вновь обрел столичный статус и стал административным центром одноименного региона в составе РСФСР – Краснодарского края, образованного 13 сентября 1937 г. после упразднения Азово-Черноморского края. Кроме того, создание нового субъекта повлекло организацию соответствующего мест-

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

² Зайцев В.П., Туков В.В. 85 лет на страже порядка. Основные вехи и памятные события в истории органов внутренних дел России и Кубани (1917–2002 гг.): хронологический справочник. Краснодар: Эдви, 2003. С. 57.

ного милицейского главка – Управления НКВД СССР по Краснодарскому краю, которое было образовано 29 сентября 1937 г.

В связи с изложенным необходимо заметить, что именно в 1937 г. по решению НКВД СССР при региональных управлениях комиссариата и действовавших школах милиции стали организовываться специализированные курсы, например курсы участковых инспекторов, курсы сержантов и т. п. Однако руководство вновь образованного кубанского главка, не обладая необходимыми ресурсами, соответствующей материальной базой и опытом, не решилось, в том числе и в связи со скорым приближением холодов, немедленно приступить к организации курсов. Возможно, «центр» на период организационно-структурного становления нового краевого управления сознательно освободил его от этой «повинности». Но уже летом следующего года в Краснодаре все-таки будет предприниматься, правда, не совсем удачная на первых порах, попытка создания нового учебного заведения – курсов сержантов милиции.

Приказом начальника УНКВД СССР по Краснодарскому краю майора государственной безопасности И.П. Малкина¹ от 28 июля 1938 г. № 28/НС начальником «*Краснодарских курсов сержантов милиции*» с 15 июля был назначен старший лейтенант милиции *Пётр Гаврилович Ермаков*², а на должность командира учебного взвода – Ачмиз³. Срок обучения переменного состава численностью 60 человек на курсах сержантов должен был составлять один год⁴. Прочие подробности организации работы и учебного процесса на курсах, к сожалению, остаются не исследованными ввиду отсутствия необходимой архивной базы.

Документом, позволившим сделать вывод о неудачности первоначальной попытки организации курсов сержантов милиции на Кубани в 1938 г., является подробнейшая стенограмма «Закрытого партийного собрания парторганизации и Управления милиции по Краснодарскому краю 19–20 и 24–25 января 1939 г.»⁵

¹ URL: [http:// nkvd.memo.ru/ index.php/](http://nkvd.memo.ru/index.php/) Малкин, Иван Павлович (дата обращения: 03.10.2018).

² Отдел специальных фондов информационного центра ГУ МВД России по Краснодарскому краю (ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по КК). Ф. 19. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 159.

³ Зайцев В.П., Туков В.В. Указ. соч. С. 52.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 18. Л. 160 об.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

Бесспорно, этот документ обладает определенной исторической значимостью, выходящей далеко за рамки данного исследования. Он ярко отражает свою эпоху и прекрасно иллюстрирует события периода «большого террора» 1937–1938 гг., одними из главных действующих лиц которых оказались органы государственной безопасности и внутренних дел, спаянные в то время в единый организм – НКВД СССР. В рядах Наркомата служили лица как причастные к массовым репрессиям, так и ставшие их жертвами. Зачастую многие сотрудники, использовавшиеся в качестве орудия террора, сыграв свою роковую роль в судьбах соотечественников, впоследствии под разными предлогами сами «пускались в расход», оказавшись обвиненными в контрреволюционной деятельности по пресловутой 58-й статье УК РСФСР 1922 г. При отстранении от должности и в ходе последующего скоротечного уголовного преследования нередко использовалась формулировка «за допущенные перегибы при проведении операции», например наиболее массовой операции НКВД СССР, инициированной верхушкой коммунистической партии «по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»¹ и ряде других преступных акций, проведенных во второй половине 1930-х гг. Периодически осуществляя зачистки в органах госбезопасности и милиции, сталинский режим не стремился покарать обидчиков трудового народа, а изощренным образом избавлялся от свидетелей собственных злодеяний, являвшихся главным инструментом в реализации репрессивной политики. Подобная участь постигла и упомянутого выше печально известного начальника Управления НКВД СССР по Краснодарскому краю Ивана Павловича Малкина, жестокого проводника политики расказачивания на Дону и Кубани, активного участника политических репрессий в качестве председателя местной особой тройки НКВД, созданной осенью 1937 г. 15 декабря 1938 г. Малкин был «снят с работы», а уже 2 марта 1939 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Такова неза-

¹ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР от 30.07.1937 г. № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // Центральный архив ФСБ России. Ф. 66. Оп. 5. Д. 2. Л. 155–174.

видная участь большинства ярых «борцов» с контрреволюцией, включая и представителей высшего руководства НКВД СССР той поры (Г.Г. Ягоды, Н.И. Ежова, М.П. Фриновского и многих других).

В обширном более чем двухсотстраничном тексте указанной стенограммы с точки зрения настоящего исследования особый интерес представляет рассмотрение вопроса «О вражеской деятельности бывшего начальника УРКМ, ныне изъятых врага народа Потетюрина»¹. Капитан милиции Василий Васильевич Потетюрин в 1937–1938 гг. являлся первым начальником Краснодарского краевого управления милиции и соответственно заместителем И.П. Малкина. В конце 1938 г. вслед за своим начальником он был отстранен от занимаемой должности, а 28 февраля 1939 г. официально уволен из органов внутренних дел по основанию, предусмотренному пунктом «д» ст. 33 Положения о прохождении службы начальствующим составом Рабоче-Крестьянской милиции НКВД СССР от 3 июля 1937 г.: «в случаях ареста следственными или судебными органами». Содержание и характер обвинений, выдвинутых в отношении Потетюрина, доподлинно неизвестны, но, видимо, они были не столь серьезны, поскольку ему удалось избежать участи Малкина. В годы Великой Отечественной войны В.В. Потетюрин продолжил службу в войсках НКВД и даже был награжден орденом Красного Знамени, отличившись в боях при обороне Тулы².

В роли основного докладчика по рассматриваемому вопросу выступил помощник начальника УРКМ по политической части и начальник Политотдела УРКМ УНКВД СССР по Краснодарскому краю старший лейтенант милиции Александр Акимович Воцинин³, до недавнего прошлого в силу занимаемой должности являвшийся ближайшим соратником по службе опального «ныне врага народа Потетюрина».

В выступлении Воцинин указал на многочисленные упущения по службе, допущенные Потетюриным, среди прочего он

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

² URL: [http:// nkvd.memo.ru/index.php/Потетюрин,_Василий_Васильевич](http://nkvd.memo.ru/index.php/Потетюрин,_Василий_Васильевич) (дата обращения: 03.10.2018).

³ URL: [http:// nkvd.memo.ru/index.php/Воцинин,_Александр_Акимович](http://nkvd.memo.ru/index.php/Воцинин,_Александр_Акимович) (дата обращения: 03.10.2018).

обвинил последнего в том, что с его стороны «была установка на то, чтобы учёбу на Краснодарских курсах сержантов свернуть». Вступительное слово политрук завершил прискорбным умозаключением: «...в результате, как известно, на сегодняшний день курсов сержантов мы не имеем... источника комплектования и пополнения рядов начальствующего состава... мы лишены в итоге вражеского руководства»¹.

От присутствовавших на собрании в адрес Воцинина поступил вопрос: «...какие меры принимались по отношению к этому вражескому руководству со стороны парторганизации и, в частности, политотделом? Ведь если имеется налицо вражеская работа, нужно было сигнализировать в Москву»². На это Воцинин дал развернутый ответ, который представляется уместным процитировать как можно подробнее. «Тут нельзя сказать в двух словах, надо рассказать с самого начала, – как бы оправдываясь и собираясь с мыслями, начал Потетюрин. – Курсы были развёрнуты при отсутствии достаточной материальной базы, в результате чего курсы были развёрнуты в столовой законсервированного строительства ТЭЦ [теплоэлектроцентраль]. Это помещение ни в какой степени не могло удовлетворять потребностям, предъявляемым курсам. Каждому не искушенному в технике человеку было видно, что это помещение не годится, особенно на зимний период, а имелось в виду, что курсы будут зимой, однако ничего не было сделано для приспособления этого помещения. И когда мы подошли к вопросу «что делать?», то единственно, кто оказал помощь, Петров, он помог разместить курсантов в тепле. Надежды на то, что органы власти помогут быстро разместить курсантов не оправдались до сегодняшнего дня. Тут надо сказать, что вражеская деятельность заключалась именно в том, что, разворачивая курсы на недостаточной материальной базе, имелось в виду, что курсы придется свернуть. Свёртывание их произошло с телеграфного разрешения Москвы, потому что Москва была поставлена перед фактом невозможности дальнейшего развёртывания курсов, так как начались холода, заболевания курсантов и т. д. Дру-

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 18. Л. 3 об.–4.

² Там же. Л. 11.

гое дело, что и это помещение, которым мы располагали, нельзя было отдавать, нельзя было его лишаться. Я лично требовал оставить это помещение за собой. Однако вопрос решен так, отдать, т. е. ликвидировать всю базу и остаться в таком положении, что курсы на длительный период не смогут существовать»¹.

Затем слово было предоставлено начальнику Краснодарских курсов сержантов милиции П.Г. Ермакову, который категорично заявил: «Нам как воздух нужны курсы, где мы могли бы ковать свои кадры, выпускать сержантов милиции. И надо было этого добиться, не считаясь ни с какими средствами». Затем он приступил к изложению собственной версии развития событий, отметив, что первоначально было выделено помещение «столовой ТЭЦ в Пашковке» [станция Пашковская, в настоящее время Пашковский микрорайон г. Краснодара]. Обследовав данное помещение, Ермаков доложил руководству, что оно «только летнее, а осенью и зимой там работать нельзя». Начальник курсов описал условия, в которых приходилось работать: «Еще в сентябре месяце, когда задул ветер, занятия проводить там нельзя было, холодище адский, потому что помещение летнее, там вечная сырость. Начались заболевания».

По этой причине Ермаков настаивал на том, чтобы «курсы переместили в пустующие помещения кавалеристского взвода краевого управления. Однако перевод не состоялся и пришлось курсы ликвидировать»². Кроме того, Ермаков, описывая свои усилия по организации курсов, упомянул, что «даже выезжал в Новороссийск и Армавир для поисков подходящего помещения, однако безрезультатно»³.

В связи с этим членами собрания перед начальником политотдела был поставлен закономерный вопрос: «...почему не было принято предложение развернуть курсы в помещении взвода и соответственно оборудовать его?». Вощинин, обличая своего бывшего начальника, парировал: «...когда этот вопрос встал перед Потетюриным, он заявил, что надеяться на то, что это поме-

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 18. Л. 11–11 об.

² Там же. Л. 59.

³ Там же. Л. 60.

щение будет приспособлено под курсы нельзя... когда наступили холода он поставил вопрос, что курсы надо свёртывать»¹.

Продолжая повествование, Ермаков сообщил, что подавал рапорт Потетюрину, в котором указывал, что «за всякие последствия, которые могут получиться с курсантами, он снимает с себя всякую ответственность» и предлагает «что-нибудь делать, иначе мы людей можем погубить, мы ведь говорим о живых людях». В ответ Потетюрин вызвал начальника курсов и в резкой форме выразил ему свое недовольство по поводу подачи указанного рапорта, возмущившись: «Что вы пишете мне!». Более того, Потетюрин, сославшись на мнение Воцинина по поводу профессиональных качеств Ермакова, указал последнему: «Вы, как начальник курсов, никуда негодны»².

После этого уязвленный Ермаков публично обвинил Воцинина «в пособничестве врагу в деле развала курсов»³. К сожалению, реакция милицейского партактива и самого Воцинина на данное высказывание не была застенографирована в протоколе собрания.

Завершая выступление, Ермаков внес предложение: «Избрать комиссию, которая бы осмотрела помещение кавалеристского взвода в части возможности переоборудования его под курсы, так как мы должны поставить вопрос – курсы сержантов у нас должны быть!»⁴.

Вместе с тем, подводя итоги собрания в целом, А.А. Воцинин обратил внимание на проблему, не утратившую своей актуальности и к концу 1930-х гг. и ставшую традиционной не только для кубанской, но для всей советской милиции, а именно «неудовлетворительное качество отбора на курсы и трудность укомплектования»⁵. При этом он заметил, что «указание Москвы об укомплектовании курсов сержантов предусматривает определённые требования к принимаемым. Это образование 5-летнее, положительная оценка как работника, положительная политическая оценка, законченные спецпроверки и т. д., то есть

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 18. Л. 11 об., 164.

² Там же. Л. 59 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 60 об.

⁵ Там же. Л. 160 об.

указание Москвы требует отобрать на курсы сержантов лучших из лучших»¹. Итак, подобрать кандидатов, которые в полной мере соответствовали бы перечисленным критериям, по-прежнему представлялось весьма затруднительным. Однако Воцинин, как и положено знающему делу политруку, окончил речь на оптимистичной ноте, декларировав: «Я уверен, что курсы будут существовать, большевики милиции примут все меры, чтобы курсы были, но у нас тяжёлое положение в том смысле, что их негде разместить»².

Таким образом, вопрос провальной организации Краснодарских курсов сержантов милиции оказался зимой 1939 г. предметом серьезнейшего разбирательства на самом высоком уровне, сопровождавшегося острой полемикой, и стал одним из основных пунктов, поставленных в вину отстраненному от должности начальнику Управления РКМ УНКВД СССР по Краснодарскому краю В.В. Потетюрину. Продолжил ли свою деятельность на посту начальника курсов П.Г. Ермаков, неизвестно; не установлена и фамилия его возможного сменщика.

По всей видимости, к лету 1939 г. трудности, связанные с поиском и оборудованием необходимого для курсов помещения, и другие проблемы организационного характера были успешно преодолены, поскольку новое руководство краевого главка просто не имело права на ошибку, так как повторный срыв мероприятия, инициированного напрямую из НКВД СССР, мог очень дорого обойтись начальникам, проявившим непростительную нерасторопность и неумение поставить работу. И действительно, к концу июня подбор педагогических кадров для курсов был завершен. Подтверждение этому мы находим в приказе от 28 июня 1939 г. № 836 «О назначении частных преподавателей на курсы сержантов милиции Краснодарского края»³ за подписями временно исполнявших обязанности начальника УНКВД СССР по Краснодарскому краю майора государственной безопасности Шулишова и начальника краевого УРКМ капитана милиции Сергеева соответственно.

¹ ЦДНИКК. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 18. Л. 160.

² Там же. Л. 164 об.

³ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по КК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 229.

В настоящем приказе упоминалось, что назначение преподавателей происходило на основании приказа ГУРКМ НКВД СССР от 10 марта 1937 г. № 428027. Кроме того, особенно важно то, что анализируемый приказ в некоторой степени пролил свет на структуру учебного процесса и позволил установить личности и профессиональную принадлежность лиц, привлекавшихся к проведению занятий на курсах.

Будущим сержантам милиции предстояло постигать на курсах 9 учебных дисциплин или, как указано в приказе, предметов, делившихся на два тематических блока: «общеобразовательный цикл» и «цикл специальных предметов».

К первому циклу относились предметы:

1. «Русский язык», преподаватель Приходько Николай Петрович.
2. «Математика» – Чуркин Фёдор Яковлевич.
3. «География» – Шостак Никита Захарович.
4. «Естествознание» – Назарчук Валентина Порфировна.

Перечисленные гражданские преподаватели являлись сотрудниками неустановленных образовательных организаций г. Краснодара, в то время как преподавание специальных предметов было доверено действовавшим сотрудникам краевого управления НКВД и прокуратуры.

1. «Задачи борьбы со шпионажем, диверсиями и вредительством». Преподаватель – уже известный по данному исследованию начальник Политотдела краевого управления милиции А.А. Воцинин. Наличие подобной дисциплины свидетельствует, что в рассматриваемый период компетенция сотрудников милиции была весьма широкой и ими осуществлялись не только задачи, традиционные для органов внутренних дел (борьба с преступностью, охрана общественного порядка и т. п.), но и функции, присущие органам государственной безопасности.

2. «Сталинская конституция и задачи РК милиции по охране социалистического порядка и общественной безопасности». Преподаватели: помощник прокурора Краснодарского края Михайлов и младший лейтенант милиции П.П. Сидоренко.

3. «Силы и средства РКМ в охране социалистического порядка и общественной безопасности». Преподаватели: лейтенант милиции Розенберг, лейтенант милиции Никольский, младший лейтенант милиции Шабашев, младший лейтенант милиции

Емец, сержант милиции Гальченко, сержант милиции Богоевский и сержант милиции Бабенко. Наличие сразу семи преподавателей позволяет безошибочно определить, что на изучение данного предмета практической направленности отводилось наибольшее количество часов.

4. «Научно-технические средства РК милиции и их применение в борьбе с преступностью». Преподаватели: младший лейтенант милиции Казьмин, сержант милиции Недельчев и сержант милиции Алтухов.

5. «Организация и техника работы РОМ и Горотделения». Преподаватель – сержант милиции Казлитин¹.

Благодаря приведенным учебным предметам становится очевидным, что почти за два десятилетия, прошедших с момента организации Кубанско-Черноморских областных командных милиционных курсов, в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел произошли серьезные изменения. Существенным образом видоизменился состав и характер изучаемых дисциплин. Произошла заметная переориентация, выразившаяся в полном отходе от военизированной доминанты в подготовке кадров и сосредоточении на преподавании специальных сугубо милицейских дисциплин, как сейчас принято говорить, практической направленности. Данные дисциплины были нацелены на формирование навыков, способствовавших успешному выполнению служебных задач, стоявших перед советской милицией в той конкретно-исторической обстановке. В то же время необходимо отметить, что перемены практически не коснулись общеобразовательных предметов, что представляется вполне естественным и непротиворечащим традициям отечественного образования.

Рассмотренный приказ 1939 г. оказался последним среди документов, которые удалось обнаружить в ведущих архивных учреждениях Краснодарского края и Ростовской области и которые являются неопровержимым подтверждением того, что в 20–30-х гг. прошлого столетия на Кубани действительно были организованы и функционировали различные учебные заведения, специализировавшиеся на профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел.

¹ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по КК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 229–230.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что своего рода подготовительным этапом к созданию первой организации, осуществлявшей профессиональную подготовку сотрудников органов внутренних дел на Кубани, стало учреждение школ по ликвидации безграмотности милиционеров, что было продиктовано крайне низким образовательным уровнем, а порой и совсем его полным отсутствием у кандидатов на поступление на службу в милицию и у многих действующих милиционеров того времени.

Непосредственно в качестве первого местного милицейского учебного заведения следует рассматривать Кубанско-Черноморские областные командные милиционные курсы, действовавшие в г. Краснодаре в 1921–1922 гг.

Данные курсы достаточно успешно функционировали, несмотря на значительные трудности финансового и бытового характера. За время их работы было произведено три выпуска курсантов, причем все три набора, проводившихся с длительными перерывами, имели значительные отличия по продолжительности обучения, учебной программе, количеству обучаемых и т. д.

В ходе изучения архивных документов удалось установить и проанализировать исторически значимую информацию и нормативно-правовую базу деятельности рассматриваемого учебного заведения, что нашло подробное отображение во втором разделе настоящего исследования и выразилось в достаточно детальном описании следующих аспектов:

обсуждение вопроса о необходимости создания в г. Краснодаре специального учебного заведения для подготовки милиционеров;

проект организации курсов;

положение о курсах;

штатное расписание и структура курсов;

подчиненность курсов;

дата начала их деятельности;

примерная программа обучения с указанием часов аудиторных занятий по конкретным учебным дисциплинам;

расписание занятий с указанием времени уроков и фамилий преподавателей;

некоторые приказы по курсам;

культурно-просветительская и политическая работа на курсах; личности руководителей курсов, профессорско-преподавательского, командного состава и некоторых курсантов;

количество обучаемых на разных наборах;

сроки обучения разных наборов;

социальное происхождение курсантов первого набора;

сведения о неудовлетворительном финансировании курсов и недостаточном снабжении учебными пособиями, канцелярскими товарами, обмундированием и продовольствием;

о тяжелом материально-бытовом положении курсантов;

адреса помещений в Краснодаре, в которых располагались курсы;

взаимодействие курсов с краснодарской милицией по вопросам организации практических занятий для обучаемых непосредственно в городских районных отделениях милиции;

взаимодействие с краснодарским военным гарнизоном по вопросу организации занятий по огневой подготовке;

прочие аспекты образовательной и служебной деятельности данного учебного заведения.

К сожалению, продолжительность работы первых милицеских курсов в г. Краснодаре составила менее двух лет и к концу 1922 г. они были свернуты. Это произошло в связи с переводом милиции РСФСР на финансирование за счет средств местных региональных бюджетов, которые и без того испытывали колоссальную нагрузку в условиях реализации НЭПа. Ассигнований едва хватало на обеспечение значительно поредевших к тому времени местных милицеских органов. В такой критической ситуации о содержании курсов не могло быть и речи. Воссоздание милицеского учебного заведения в кубанской столице произошло лишь в конце 1924 г., но по своему статусу и уровню подготовки кадров оно значительно уступало курсам, учрежденным в 1921 г.

В связи с тем, что в Государственном архиве Краснодарского края практически не отложились какие-либо материалы о деятельности местных органов милиции после 1924 г., в третьем

разделе настоящей работы была рассмотрена проблема установления документальных «следов» наличия в г. Краснодаре учебных заведений, осуществлявших подготовку сотрудников милиции после ликвидации Кубанско-Черноморских областных командных милиционных курсов. По этой причине пришлось значительно расширить зону поиска и обратиться в другие архивные учреждения Краснодарского края и Ростовской области, включая ведомственные. Однако и в указанных учреждениях систематизированная информация о работе милиции в рассматриваемый период в целом и учебных заведениях в частности отсутствовала. Лишь путем долгой кропотливой работы с архивными фондами удалось установить некоторые разрозненные и весьма скудные документальные источники, свидетельствующие о том, что подобные организации действительно продолжали функционировать в г. Краснодаре и после 1924 г. Благодаря изучению данных документов была установлена и проанализирована следующая информация:

наименования учебных учреждений;
личности некоторых руководителей;
некоторые проблемные аспекты их образовательной и служебной деятельности.

Таким образом, в г. Краснодаре в 1924–1939 гг. поочередно работали как минимум четыре учебных заведения:

- 1) Окружная школа милиции (Школа-резерв милиции);
- 2) Межокружные 3-месячные курсы по переподготовке младшего начальствующего состава милиции;
- 3) Межрайонные курсы милиции (Школа-резерв милиции, Курсы РКМ);
- 4) Краснодарские курсы сержантов милиции (Курсы сержантов милиции Краснодарского края).

По результатам проведенного исследования в качестве основных выводов об особенностях, характеризующих первые милицейские учебные заведения Кубани, сформулируем следующие общие положения:

1. В городе Краснодаре не существовало учебного заведения, которое бы действовало непрерывно на протяжении всего рассмотренного периода.

2. Все пять представленных в работе учебных заведений существовали сравнительно непродолжительное время, и порой между ликвидацией старого и созданием нового учебного заведения проходил достаточно большой промежуток времени.

3. Учебные заведения создавались преимущественно по инициативе местных областных (краевых) милицейских (административных) управлений и содержались за счет средств испытывавших дефицит региональных бюджетов, что порождало постоянные проблемы с их недостаточным финансированием и материально-техническим снабжением.

4. Направление деятельности всех учебных заведений можно охарактеризовать как профессиональную подготовку и переподготовку (в 1930 г.) сотрудников органов внутренних дел.

5. Единственной категорией обучаемых выступал рядовой и младший начальствующий состав милиции (возможно, за исключением третьего набора Кубанско-Черноморских областных командных милиционных курсов в 1922 г.), поэтому местные курсы и школы следует относить к низшей ступени в иерархии милицейских учебных заведений РСФСР.

6. Срок обучения регулярно изменялся и в разное время составлял от 6 недель до 1 года.

7. Комплектование курсов (школ) протекало традиционно сложно, порой в принудительно-приказном порядке, ввиду нежелания милиционеров направляться на учебу и общего низкого уровня кандидатов на обучение, что затрудняло проведение отбора. Численность переменного состава была невелика, периодически варьировалась, но редко превышала отметку в 60 курсантов.

8. Зачастую отмечалось полное отсутствие учебной программной документации и низкое качество учебно-методического обеспечения учебного процесса, выразившееся в острой нехватке необходимых учебников, пособий, наставлений и т. д.

9. Учебные заведения испытывали трудности с комплектованием собственного штата педагогических работников, поэтому для проведения занятий активно привлекались преподаватели гражданских учебных заведений для преподавания общеобразовательных предметов и действующие сотрудники милиции, прокуратуры для преподавания специальных «милицейских» дисциплин.

10. Школы и курсы страдали от отсутствия собственных помещений, часто меняли дислокацию, что негативным образом сказывалось на их работе, а порой и вовсе ставило под угрозу их существование.

Таким образом, в начале 1920-х гг. на Кубани была создана первая организация, а затем поочередно и несколько ее преемников, осуществлявших профессиональную подготовку сотрудников милиции. Местная курсовая система создавалась и развивалась в чрезвычайно сложной для страны и кубанского региона обстановке, она испытывала колоссальное напряжение и постоянные трудности различного характера, была далеко не совершенна в вопросах организации учебного процесса, служебной деятельности и их правовой регламентации, однако, несмотря на это, она, продолжая действовать с некоторыми перерывами, в целом выполняла свою функцию, подготавливая младший начальствующий состав для кубанской милиции. Можно сказать, что история местных учебных заведений, безусловно, обладая присущими ей особенностями, не являлась уникальной, а складывалась в общей канве развития школьно-курсовой системы НКВД РСФСР/СССР.

Кроме того в заключение отметим, что документы, содержащие сведения о деятельности в г. Краснодаре школы сержантов милиции либо иных учебных заведений после 1939 г., к сожалению, обнаружены не были. Если какая-то активность в данном направлении и продолжилась в 1940–1941 гг., то, несомненно, ввиду начавшейся Великой Отечественной войны она была отодвинута на второй план, а затем и вовсе свернута из-за немецко-фашистской оккупации края. Хотя с обретением статуса столицы субъекта РСФСР г. Краснодаром и созданием местного главка НКВД СССР здешняя школьная система могла получить определенные перспективы развития и перехода на более высокий уровень, но, так окончательно и не сформировавшись, она оказалась «жертвой» военного времени. Сохранившаяся до настоящего времени засекреченность многих архивных фондов, относящихся к деятельности органов милиции и государственной безопасности в годы войны, не способствует скорому установлению истины по данному вопросу.

Полноценное возобновление профессиональной подготовки милиционеров в г. Краснодаре произошло лишь в середине 1950-х гг., однако продолжение изучения истории образовательных организаций с данного исторического отрезка целесообразно отнести к новому самостоятельному исследованию.

Список использованных источников и литературы

Список архивных фондов

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР.

*Центральный архив Федеральной службы безопасности
Российской Федерации (ЦА ФСБ России)*

2. Ф. 66. Нормативные и распорядительные документы органов государственной безопасности.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

3. Ф. Р103. Кубано-Черноморское областное управление советской рабоче-крестьянской милиции Исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов (1920–1924).

4. Ф. Р1142. Кубано-Черноморские командно-милицейские курсы Кубано-Черноморской областной рабоче-крестьянской милиции (1921–1922).

*Центр документации Новейшей истории Краснодарского края
(ЦДНИКК)*

5. Ф. 2286. Первичная организация КПСС Краснодарского краевого управления милиции (1920–1953).

Государственный архив Ростовской области (ГАРО)

6. Ф. Р-3758. Краевой экономический совет Юго-Востока России (1919–1924).

7. Ф. Р-1485. Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого совета депутатов трудящихся (1924– 937).

*Отдел специальных фондов информационного центра
ГУ МВД России
по Краснодарскому краю (ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по КК)*

8. Ф. 19. Приказы, указания, распоряжения (1938–2012).

*Отдел специальных фондов информационного центра
ГУ МВД России
по Ростовской области (ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по РО)*

9. Ф. 2. Приказы.

Периодические издания

10. Власть Советов. 1918. № 29.

11. Власть Советов. 1919. № 10.

Научная и специальная литература

12. Беляков Е.Л., Черников В.В. Формирование системы подготовки кадров для советской милиции в 20-е годы. Горький: Горьковск. школа МВД СССР, 1983.

13. В борьбе и тревоге. Из истории милиции Кубани / Е.Г. Борисов, Л.Т. Карпенко, А.М. Неволлина и др. 2-е изд. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1971.

14. Зайцев В.П., Туков В.В. 85 лет на страже порядка. Основные вехи и памятные события в истории органов внутренних дел России и Кубани (1917–2002 гг.): хронологический справочник. Краснодар: Эдви, 2003.

15. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928.

16. Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров в органах внутренних дел. М.: Академия МВД СССР, 1978.

17. Николаев П.Ф., Михайленко П.П. Подготовка командных кадров милиции РСФСР (1917–1929 гг.). Омск, 1969.

18. Устремленные в будущее... Система подготовки кадров МВД России: образовательные организации системы МВД Российской Федерации / В. Л. Кубышко [и др.]; ДГСК МВД России. М.: АС-Траст, 2018.

Диссертационные исследования

19. Зыбин С.Ф. Кадровое обеспечение деятельности органов внутренних дел: историко-правовой и теоретико-правовой анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1997.

20. Лойт Х.Х. Государственная кадровая политика в России и ее реализация в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998.

21. Кожевина М.А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

22. Кучеров П.Ю. Организационно-правовые основы формирования и деятельности милиции Кубани в первые годы советской власти и новой экономической политики, 1917–1929 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002.

23. Нечепуренко В.В. Формирование милиции Кубани и Черноморья и ее деятельность по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

24. Проценко Е.Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998.

25. Шамаров В.М. Государственная служба в милиции НКВД РСФСР (Становление и развитие правовых и организационных основ): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

Монография

26. Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. Образовательные организации системы МВД/НКВД в Воронежском регионе (1888–1942 гг.). Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2017.

Научные статьи

27. Гольдман В.С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР в 1917–1925 годах // Труды Высшей школы МООП СССР. М., 1968. Вып. 20. С. 80–98.

28. Ларина О.Г., Небрятенко Г.Г., Карягина О.В. Организация профессиональной подготовки сотрудников МВД России в имперской России (1862–1917 гг.) // Право и практика. 2018. № 4. С. 12–18.

29. Небрятенко Г.Г. Ведомственная кинологическая подготовка в Российской империи // Российский следователь. 2019. № 6. С. 77–80.

30. Небрятенко Г.Г. Зарождение ведомственной кинологической подготовки в России (начало XX в.) // Модернизация российского общества: стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров. Таганрог, 2019. С. 383–387.

Электронные ресурсы

31. Денежный хаос в России в 1917–1924 гг. URL: <http://www.globfin.ru/articles/crisis/russia.htm> (дата обращения: 19.01.2018).

32. Зарплаты и цены с XVI в. до 2012 года. URL: <http://www.russian-money.ru/Articles.aspx?id=2&type=content&AspxAutoDetectCookieSupport=1> (дата обращения: 19.01.2018).

33. URL: <http://nkvd.memo.ru/index.php/> Вощинин, Александр Акимович (дата обращения: 03.10.2018).

34. URL: <http://nkvd.memo.ru/index.php/> Малкин, Иван Павлович (дата обращения: 03.10.2018).

35. URL: <http://nkvd.memo.ru/index.php/> Потетюрин, Василий Васильевич (дата обращения: 03.10.2018).

36. Ратушняк В.Н., Ратушняк Т.В. Кубано-Черноморская областная милиция в начале 1920-х гг. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kubano-chernomorskaya-oblastnaya-militsiya-v-nachale-1920-h-gg> (дата обращения: 23.01.2018).

37. Ратушняк Т.В. Становление милиции Кубани (1917–1920 гг.): из истории органов внутренних дел России и Кубани. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-militsii-kubani-1917-1920-gg-iz-istorii-organov-vnutrennih-del-rossii-i-kubani> (дата обращения: 25.01.2018).

Приложения

Приложение 1

Сведения о школах по ликвидации неграмотности милиционеров, функционировавших в г. Екатеринодаре в 1920 г.

№ п/п	Наименование	Адрес	Количество классов	Количество групп	Категория обучаемых	Расписание занятий	Количество обучаемых
1	Школа Журавлёвой	ул. Рашилевская, 25	1	3	Неграмотные	Пн., чт. – с 19:00	25
					Неграмотные	Вт., пт. – с 19:00	25
					Малограмотные	Ср., сб. – с 19:00	25
2	Троицкое училище	Угол улиц Карасунской и Гривенской	1	3	Малограмотные	Пн., чт. – с 19:00	25
					Малограмотные	Вт., пт. – с 19:00	27
					Неграмотные	Ср., сб. – с 19:00	24
3	Школа Николаевой	?	1	3	Малограмотные	Пн., чт. – с 19:00	25
					Малограмотные	Вт., пт. – с 19:00	25
					Малограмотные	Ср., сб. – с 19:00	25
4	Дмитриевское училище	?	1	3	Малограмотные	Пн., чт. – с 19:00	25
					Малограмотные	Вт., пт. – с 19:00	25
					Малограмотные	Ср., сб. – с 19:00	25
5	3-е выш. нач. училище	4-ой район гормилиции на выгоне	1	2	Малограмотные	Пн., чт. – с 19:00	25
					Малограмотные	Сб. – с 19:00	25
<i>Всего классов / групп</i>			5	14			
				<i>Всего групп для неграмотных / малограмотных</i>		3 / 11	
<i>Всего неграмотных / малограмотных</i>							74 / 277
							351

Общие сведения об организациях профессиональной подготовки сотрудников милиции, действовавших в г. Краснодаре в 1920-х гг.

№ п/п	Наименование образовательной организации/ <i>альтернативные названия</i>	Период деятельности	Специализация и категория обучаемых	Срок обучения	Количество обучаемых	Основной источник информации
1	Кубанско-Черноморские областные командные милиционные курсы/ <i>Кубано-Черноморские областные командные курсы милиции</i>	17 февраля 1921 г. – декабрь 1922 г.	Профессиональная подготовка младшего начсостава милиции	1-й набор 6 недель	61	ГАКК
				2-й набор 3 месяца	100	
				На 3-м наборе – среднего начсостава	3-й набор 8 месяцев	
2	Окружная школа милиции/ <i>Школа-резерв милиции/ Школа младшего комсостава</i>	15 декабря 1924 г. – 1928 г.	Профессиональная подготовка младшего начсостава милиции	?	Первый выпуск 34	ЦДНИИК, ГАРО
					Всего выпускников 189	

**Общие сведения об организациях профессиональной подготовки
сотрудников милиции, действовавших в г. Краснодаре в 1930-х гг.**

№ п/п	Наименование образовательной организации/ <i>альтернативные названия</i>	Период деятельности	Специализация и категория обучаемых	Срок обучения	Количество обучаемых	Основной источник информации
1	Межокружные 3-месячные курсы по переподготовке младшего начсостава милиции	1 января 1930 г. – (?)	Профессиональная переподготовка младшего начсостава милиции	3 месяца	?	ГАРО
2	Межрайонные курсы милиции/ <i>Школа резерва милиции/ Курсы РКМ</i>	1931–1933 гг. (?)	Профессиональная подготовка младшего начсостава милиции	?	60	ЦДНИИК
3	Краснодарские курсы сержантов милиции/ <i>Курсы сержантов милиции Краснодарского края</i>	15 июля 1938 г. – 1939 г. (?)	Профессиональная подготовка младшего начсостава милиции	1 год	60	ЦДНИИК, ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по КК

Сведения о руководящем составе организаций профессиональной подготовки сотрудников милиции, действовавших в г. Краснодаре в 1921–1939 гг.

№ п/п	Наименование образовательной организации	Начальник	Период руководства либо упоминание	Другие руководящие должности	ФИО	Период службы
1	Кубанско-Черноморские областные командные милиционные курсы	Карпов Александр Родионович	17.02–24.03.1921	Заведующий учебной частью	Паэгле Артур Янович	17.03–24.03 1921
		Паэгле Артур Янович	24.03–18.06.1921			
		Сергей Николаевич Павлов	18.06–12.10.1921			
		Нижельский Е.	12.10–23.11.1921		Борзаковский	24.03.1921 – (?)
		Маторин Семён Фёдорович	23.11.1921 – (?)			
2	Окружная школа милиции	Фефелов	02.1925	?	?	?
		Перков Иван	12.1925			
3	Межрайонные курсы милиции	Пейхвассер	1931	Помощник по политчасти	Колесников	1931
		Дерунов (Дирунов)	09–11.1931		Курилов Дмитрий Николаевич	1933
		Брамм Казимир Юльевич	1933	Командир взвода	Попов Николай Григорьевич	09.1931–1933
4	Краснодарские курсы сержантов милиции	Ермаков Пётр Гаврилович	15.07.1938–01.1939 (?)	Командир взвода	Ачмиз	15.07.1938 – (?)

**Сведения об учебных дисциплинах и преподавателях первого набора
Кубанско-Черноморских областных командных милиционных курсов (апрель-май 1921 г.)**

№ п/п	Дисциплина	Преподаватель
1	Русский язык	Бурыкин Дмитревский Покровский
2	Арифметика	Шипов Маштакова Покровский
3	Законоведение	Заведующий учебной частью курсов Борзаковский
4	Политическая грамота	Старцев
5	Милиция	Червяков
6	Уголовная милиция	Начальник Кубано-Черноморского областного управления милиции Рыбин А.И.
7	Уставы	Начальник курсов Паэгле Артур Янович
8	Огневая подготовка	Гарнизонное стрельбище г. Краснодара
9	Строевая подготовка	—
<i>Культурно-массовая работа</i>		
10	Драматическая, музыкальная и хоровая секции	Профессор Кубанской государственной кон- серватории Уваров

**Учебный план второго набора
Кубанско-Черноморских областных командных милиционных курсов (июнь 1921 г.)**

№ п/п	Дисциплина	Количество часов
1	Политическая грамота	24
2	О милиционной системе	66
3	Законоведение	24
4	Русский язык	60
5	Арифметика	72
6	География	24
7	Природоведение	26
8	Тактика	36
9	Топография	24
10	Уставы	36
11	Строй	178
	<i>Всего часов</i>	570
	<i>Период обучения</i>	<i>3 месяца</i>

**Штатное расписание
Кубанско-Черноморских областных командных милиционных курсов (июнь 1921 г.)**

№ п/п	Наименование должности	Число лиц	Примечание
<i>ЛИЧНЫЙ СОСТАВ КУРСОВ</i>			
<i>Руководящий состав</i>			
1	Начальник курсов	1	Из милицейских специалистов с военной подготовкой и со средним образованием
2	Комиссар курсов	1	
<i>Учебная часть</i>			
3	Заведующий учебной частью	1	
4	Преподавателей штатных	11	
5	Преподавателей нештатных		По мере надобности
6	Стенографист	2	
<i>Строевая часть</i>			
7	Командир роты, он же помощник начальника курсов	1	
8	Командиров взводов	3	
9	Курсантов	100	Переменный состав
<i>Канцелярия</i>			
10	Адъютант	1	
11	Переписчик	1	
12	Журналист	1	
13	Машинист	1	

Окончание таблицы

№ п/п	Наименование должности	Число лиц	Примечание
<i>Канцелярия (продолжение)</i>			
14	Посыльный	1	
<i>Хозяйственная часть</i>			
15	Заведующий хозяйством	1	
16	Делопроизводитель	1	Он же казначей
17	Переписчик	1	
18	Повар	1	
19	Уборщиков	2	
20	Каптенармус	1	
21	Коноводов	2	
<i>Итого постоянного состава</i>		34	
<i>Итого переменного состава</i>		100	
<i>Всего</i>		134	
ОБОЗ			
№ п/п	Наименование	Число единиц	Примечание
1	Повозка	1	
2	Кипятильник	1	
3	Походная кухня	1	
4	Лошадей	4	Одна верховая
ВСЕГО ЕДИНИЦ		7	

**Сведения об учебных дисциплинах и преподавателях
Краснодарской школы сержантов милиции (1939 г.)**

№ п/п	Дисциплина	Преподаватель
1	Русский язык	Приходько Николай Петрович
2	Математика	Чуркин Фёдор Яковлевич
3	География	Шостак Никита Захарович
4	Естествознание	Назарчук Валентина Порфировна
5	Задачи борьбы со шпионажем, диверсиями и вредительством	Начальник Политотдела краевого управления милиции Воцинин АА
6	Сталинская конституция и задачи РК милиции по охране социалистического порядка и общественной безопасности	Помощник прокурора Краснодарского края Михайлов, младший лейтенант милиции Сидоренко ПП
7	Силы и средства рабоче-крестьянской милиции в охране социалистического порядка и общественной безопасности	Лейтенант милиции Розенберг, лейтенант милиции Никольский, младший лейтенант милиции Шабашев, младший лейтенант милиции Емец, сержант милиции Гальченко, сержант милиции Богоевский, сержант милиции Бабенко
8	Научно-технические средства рабоче-крестьянской милиции и их применение в борьбе с преступностью	Младший лейтенант милиции Казьмин, сержант милиции Недельчев, сержант милиции Алтухов
9	Организация и техника работы районного отделения милиции и городского отделения милиции	Сержант милиции Казлитин

Оглавление

Введение.....	3
1. Борьба с неграмотностью личного состава органов внутренних дел на первоначальном этапе становления аппарата кубанской милиции.....	7
2. Особенности профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел на Кубанско- Черноморских областных командных милиционных курсах (1921–1922 гг.).....	14
3. Документальные «следы» организаций, осуществлявших профессиональную подготовку сотрудников милиции в г. Краснодаре в 1924–1939 гг. (по материалам региональных и ведомственных архивов).....	36
Заключение.....	65
Список использованных источников и литературы	71
Приложения.....	75

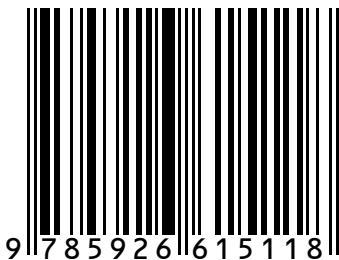
Научное издание

Яблонский Иван Владимирович
Швец Анна Анатольевна

**ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА КУБАНИ**

Редактор *Т. Г. Кривошеева*
Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1511-8

Подписано в печать 25.07.2019. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 5,0. Тираж 100 экз. Заказ 814.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.